

СУМЕТЬ УСПЕТЬ

Фантастическая история без фантастики

От автора

Данный текст задумывался человеком, для которого жизнь после тридцати – та ещё загадка.

Данный текст писался человеком, чей жизненный опыт был невелик и тем не менее он рискнул играть теми картами, что есть на руках.

Редактирование данного текста спустя десять лет после написания привело к осознанию факта того, как сильно изменился мир за этот небольшой по сути отрезок времени. Но мир поменялся, а люди – нет. Эта же история, если разобраться, как раз про людей.

1. Тридцать один

Оставшиеся десять дней отпуска Игорь Астахов отправился догуливать в сентябре. Аккурат на бабье лето. Это была давняя традиция – быть дома именно в это время, чтобы отдохнуть без летней суеты и отпраздновать свой день рождения. Традиция брала своё начало ещё со времён бесшабашного отрочества. Это не был пьяный и отвязный марафон с безумными выходками. Просто собирались друзья, приезжали родственники. Проводили время весело и интересно. Были подарки, застолья и поездки компанией на природу – в лес и на море.

Однако после двадцати пяти бабье лето Игоря начало терять запал и скоро сошло на нет. Он утешал себя, что это повсеместное явление – молодёжные компании тают на глазах, распадаются, заводятся семьи, возникают узы брака и оковы дома. Утешал, но без особого толку. Игорю казалось, его просто стали забывать.

На тридцатилетний юбилей из двух десятков приглашённых его посетила лишь треть, да и то формально. Все куда-то торопились, долго не засиживались, поздравляли и убегали. Через год, сев составлять список приглашённых, Игорь вдруг понял, что многие уже не первый раз игнорируют его приглашение, да и вообще... получалось так, что он-то звал, а его – никогда. Не только на дни рождения, в целом... Скольких своих друзей он видел в течение года, со сколькими пил пиво, ходил на футбол, выезжал за город? Можно по пальцам пересчитать... Это было печально и обидно. Поэтому на тридцать первый день рождения Игорь из принципа решил никого не обзванивать, но самому ждать поздравлений. Кто вспомнит, тот вспомнит, кто придёт, тот придёт. Пусть единицы, но зато самые нужные и близкие родственники и друзья.

Результат оказался неожиданным.

Не вспомнил никто.

Ну, то есть родители, конечно, вспомнили, но даже не заехали, позвонили, извиняясь за плохое самочувствие и... ещё какие-то причины.

Тридцать один – уже не круглая дата. Но, как ни странно, именно в этом году, Игорь почувствовал настоящую солидность. Будто бы, как и в ситуации с миллениумом, можно сомневаться, начинает ли работать в тридцать лет выражение «разменял четвёртый десяток» или нет. А в тридцать один... Какие уж тут сомнения? Ну, кстати, Игорь про миллениум тогда всё

для себя решил и всем, кто хотел с ним поспорить, приводил эффектный пример. С какой бутылки, спрашивал он, начинается второй ящик водки – с двадцатой или двадцать первой?

Сейчас Игорь сидел на кухне около забитого едой холодильника и пил вино. Холодильник был забит по случаю дня рождения: даже не раздавая официальных приглашений, он всё равно готовился к нему. Выяснилось, что зря.

К десяти часам вечера Игорь добавил к третьему бокалу бутерброды с красной рыбой, красивый дырчатый сыр, оливье и, более не надеясь услышать телефонный звонок или звонок в дверь, вынес всё это на подносе на балкон.

Опустив поднос на маленький столик, Игорь взял бокал и встал у оконного проёма, за которым, медленно мерцая, отходил ко сну город. Было удивительно тихо, тополь напротив стоял, не шелухнувшись ни одним листочком. Люди и машины словно вымерли. Начали гаснуть окна в домах, а звёзды над ними, наоборот, разгорались ярче. Город прожил ещё один из бесконечной обоймы дней и готовился оставить его в прошлом. Тот факт, что для кого-то этот день являлся особенным, город ни капельки не волновал.

Игорь стоял и оценивал свои ощущения: каково это – уже однозначно быть в группе «Кому за 30»? Так и напрашивался удалой, полный оптимизма ответ: «Да никак! Всё путём! Всё как и раньше!» Но это была неправда. Разница существовала. Ведь позади осталось время светлых надежд и фантазий, время романтики и ярких неповторимых чувств, время смелых идей и бурлящей энергии. Да, юность кончилась. Причём сопровождался этот процесс каким-то странным ощущением отставания по жизни. Его ровесники явно опережали его по всем фронтам. Не только личные знакомые. Истории про достижения тридцатилетних регулярно попадались на глаза Игорю, долетали до его ушей. Кто-то открыл свой бизнес, кто-то бежал по карьерной лестнице, кто-то активно катался по миру, кто-то достраивал свой дом, кто-то вёл детей в школу. Кто-то просто нашёл свою любовь, в конце концов.

Раньше этот вопрос отставания мало волновал Игоря. Он был женат какое-то время, но настоящей семьи не получилось. Не довелось стать отцом, не срослось с собственным жильём, Игорь жил в съёмной квартире. Достичь каких-то высот в карьере тоже не удалось... И что?

Разве обязательно идти по жизни придерживаясь какого-то графика? Кто выдумал эту чушь?! Аутсайдером ведь его тоже не назвать – квартира не пуста, есть работа, машина. По «кривой тропке» не пошёл, как некоторые, про это даже и думать не хотелось... Да, если рассуждать мерками общества, он опаздывает, но «опаздывает» в настоящем времени. Он ещё никуда не опоздал. Или... нет? Почему-то сегодня показалось, что тешить себя иллюзиями осталось недолго.

Игорь сделал глоток из бокала, прислушался к ночной тишине. Где-то вдалеке появился и зачастил, нарастая, цокающий звук, звук каблучков. Девушка вынырнула из проулка, её маленький одинокий силуэт бесстрашно проплыл среди ветвей и исчез во мраке. А Игорь замер, пытаясь ухватить мысль, которую вызвал к жизни звук её туфелек. Мысль была такая: друзья чаще посещали их, пока он жил с Настей. Словно они приходили из-за неё. А когда она ушла, в доме стало пусто...

Игорь задумчиво повертел в пальцах кусочек сыра. Так ли это было? Нет, конечно, совпадение... Или даже наоборот! Круг общения начал сужаться как раз после прощания с прелестями холостяцкой жизни. Но это казалось естественным процессом...

Они прожили с Настей полгода в гражданском и три с половиной в официальном браке. В бородастых анекдотах любят сравнивать это с тюремным сроком. В 25 сел, в 29 вышел... Где-то так... Развод состоялся около двух лет назад. У них не случилось детей, толком не было совместно нажитого имущества, поэтому всё прошло достаточно мирно. А может, не поэтому. Взрослые люди могут, если захотят, не изводить друг друга, не заставлять страдать...

Почему она это сделала? Почему ушла? Трудный вопрос. Из-за запаздывания? Может, и так.

Она разочаровалась в нём. Игорь ничего не достиг в жизни, он ни к чему не стремился, его всё устраивало. Так было не всегда, конечно. Они познакомились в период, когда голова молодого Игорька кругом шла от идей. С ним было интересно. Больше всего хотелось открыть своё дело, чтобы ни от кого не зависеть. Хотелось объехать весь свет. Хотелось прыгнуть с парашютом и заняться латиноамериканскими танцами. Хотелось собрать музыкальную коллекцию лучших гитаристов мира, купить и отреставрировать своими руками раритетное авто, обязательно кабриолет. Второе высшее тоже было в планах...

В этот романтический период они и встретились с Настей. Игоря она узрела именно в ореоле всех этих идей, молодого, симпатичного, энергичного. Ну как было не влюбиться в такого парня?! Только вот вся мишура идей и грёз облетела. Жизнь взяла своё, есть такое выражение.

Вместо своего бизнеса появилась работа. Просто работа, с боссом, правами и обязанностями и весьма туманными перспективами, но зато оплачиваемая на... ну, почти достойном уровне. Игорь очень быстро привык к ней. Ни начальник, ни коллектив его не напрягали, не лезли в душу, не требовали невозможного. Вместо раритетного кабриолета появилась среднестатистическая «нашемарка». Прыгнуть с парашютом показалось страшновато, заниматься танцами – лениво. Учиться – неинтересно. А музыку он стал предпочитать более популярную. От блеска идей ничего не осталось...

Он погас, но Настя не хотела гаснуть вместе с ним. У неё тоже имелись свои замыслы, планы, она была ярким творческим человеком, а та жизнь, которую, как радиоактивное излучение, формировал вокруг себя Игорь, была для неё невыносимо скучна.

Но взрослая жизнь, подумал Игорь, она вообще штука такая... скучная. По крайней мере, с точки зрения детей. Дети смотрят, как живут взрослые, и удивляются. У взрослых нет игр, нет каникул, а отпуск они проводят так по-дурацки. У взрослых мало радостей, а если есть, то какие-то совершенно непонятные. Они каждый день идут на работу и приходят с неё усталые и злые. Вечерами сидят дома, никуда не ходят, смотрят телевизор, причём, естественно, ерунду всякую смотрят. У них мало друзей, и встречи с этими друзьями тоже скучные. Интереснее выпивки и рыбалки, наверное, у мужиков вообще ничего не бывает. А у женщин – по магазинам пройтись и по телефону посплетничать. Но вместе с тем рядом крутится мысль: может, я просто чего-то не понимаю? Может, взрослые скрывают часть своей жизни от детей, ту самую, интересную и наполненную смыслом. Вот есть же такая загадочная штука – секс. Наверное, есть и другие подобные штуки.

Или же – ещё мысль – может, это жизнь конкретно у моих родителей скучная? Ну, вот так сложилось, у них – скучная. А у других – нет. И это даёт надежду, что когда вырастешь, твоя взрослая жизнь не обязательно будет такой же унылой, вялотекущей и однообразной, ты сумеешь сделать её насыщенной, яркой и интересной.

А потом ты вырастаешь. Меняются ценности твоего мира, меняется восприятие окружающего. Ты становишься взрослым и в один прекрасный момент вдруг со всей отчётливостью понимаешь, что в скуке взрослой жизни нет ничего страшного. И, вообще, не скука это вовсе, а спокойствие, стабильность, постоянство. Не скука. Ну, правда ведь!

Но почему тогда так не считает такой же, в принципе, взрослый, как и ты, человек? Почему он считает, что всё должно быть иначе?

Наверное, потому, что на свете есть другие люди, с которыми действительно всё иначе.

С которыми не скучно.

На балконе Игорь сидел долго. Пил вино, хмелел, вцепившись взглядом в угасающие искры городского костра. Искр этих становилось всё меньше, вместе с ними умирал этот день. Для кого-то просто число в сетке календаря, а для кого-то – финал целой эпохи, имя которой юность.

2. Интернет

Организм по достоинству оценил предоставленные ему для сна несколько лишних часов. Пробуждение было лёгким и, несмотря на выпитое вчера, безболезненным. Состоялось это событие в пять минут одиннадцатого.

Пробуждение было правильным. Правильным настолько, что обычные дни со стандартным недосыпом, когда звук будильника вырывает из уютного тёплого кокона в холод, мрак и пустоту, когда так трудно придумать какой-нибудь стимул для существования, вспомнились с болью и тоской. Сегодня Игорь повалялся в кровати, наслаждаясь тем, что на день не запланировано никаких дел, и тут же запланировал одно... дело.

Взять машину и поехать на море. Отличное дело.

Но перед этим Игорь решил залезть в интернет.

Он включил компьютер и пошёл ставить кофе. Такая последовательность была избрана не случайно. Компьютер был старый, медленный, нуждающийся в чистке. Система грузилась так долго, что успевал нагреться чайник. Да и потом приложения открывались неторопливо, вальяжно, иногда украшая рабочий стол сообщениями о каких-то ошибках. Компьютер можно было сдать в мастерскую для чистки, переустановки операционки, а то и апгрейда, но Игорь решил пойти иным путём. Он задумал купить ноутбук, современный и быстрый. Собственно, это и был подарок ко дню рождения самому себе. Игорь сделал заказ понравившейся модели через интернет и даже внёс аванс, но ноутбук к заветному дню не подоспел. Из-за какой-то технической (а может, и человеческой) ошибки, его заказ не передали в отдел доставки. Забыли. Так же как забыли про Игоря его приятели.

В почтовом сервисе его ждало несколько автоматических поздравлений с каких-то сайтов, где Игорь регистрировался по всей форме, и ни одного живого письма. Впрочем, неудивительно, в моде было пользование соцсетями. Именно там бурлила жизнь, там обнаруживались забытые одноклассники, уехавшие на край света сокурсники, мимолётные знакомые, сослуживцы и соседи по двору. Там люди выкладывали фото и общались. Там от нечего делать слали смайлики и забавные картинки. Там отправить открытку с поздравлением – дело элементарное. В сто раз проще, чем позвонить. Игорь загрузил сразу три таких сайта, где у него имелся аккаунт, и, пока странички открывались, съел полбутерброда, запивая кофе и размышляя, кто будет в ленте первый – Вика или Анька? А может, Таня? Или вообще бывшая нарисуетса?

Но и тут Игоря ждал облом.

На двух сайтах из трёх и «личка», и «стена» были пусты. На третьем обнаружилось шаблонное поздравление от администрации ресурса. Игорь сделал медленный глоток остывшего кофе. Да это уже ни в какие ворота... Он разочарованно зашёл в ленту, принялся листать записи. Друзья и знакомые заходили, что-то писали, выкладывали фото (например, Анька сменила аватарку), комментировали чужие заметки, но про него никто не вспомнил. Нет, не так. Напоминалки о дняхгах стоят на всех порталах, «не заметил» или «не вспомнил» – это не те слова. Его по-настоящему игнорировали.

Игорь хмыкнул. Было обидно. Впрочем, на данных девушках свет клином не сошёлся. Пришли они в его жизнь в разное время с популярного сайта знакомств, но там такого добра было в избытке. Вот прямо сейчас он зайдёт в свой профиль и...

«Новых сообщений – 0», – прочёл Игорь в личном кабинете сайта знакомств. И сразу не захотелось никого искать, рассматривать свежие анкеты, сочинять креативные приветственные послания. Тем более что он занимался подобным позавчера. Нет, для новых интернет-знакомств было неподходящее настроение. А вот для минутки ностальгии самое то...

Игорь нашёл в закладках ссылку на «Фотогалерею Порфирияча» и в очередной раз вспомнил...

Это случилось теперь уже ровно десять лет назад. Милая, романтическая, в чём-то даже волшебная история. Он готовился отметить свой двадцать первый день рождения у друзей в общежитии. Обнаружилось, что на их этаже пустует комната (бывший хозяин перебрался в крыло для семейных) и кое у кого имеется от неё ключ. Там и планировалось через неделю замутить вечеринку. Но это через неделю, а пока третьекурсник Игорёня, обо всём договорившись, шёл через общажный сквер и там, на лавочке, увидел её.

Стройная невысокая брюнетка в синем джинсовом костюме сидела погружённая в свои мысли. Компанию ей составляли сигарета и большая дорожная сумка. Она глянула на Игоря печальными зелёными глазами, и он тут же попал в плен этих глаз.

Девушка назвалась Иванкой (Игорь засомневался, что имя настоящее, но допытываться не стал). Она приехала из другого города. Приехала к подруге на выходные, но та, наоборот, укатила домой по срочным семейным делам. И вот теперь Иванке требовалось решить: перекантоваться где-то до завтрашнего вечернего поезда или топать на вокзал прямо сейчас.

Игорь сжал в кармане одолженный ключ от пустой комнаты и решил, что судьба дарит ему восхитительный подарок к будущему дню рождения. Если он не облажается.

Он не облажался. Они с Иванкой провели чудесный день, гуляя по городу, вечером посидели в баре, а потом... ключ от пустой комнаты в общежитии им двоим очень пригодился. Правда, миновать вахтёра было тем ещё приключением, да и соседям своими звуками они не давали спать полночи, но о содеянном никто из них не пожалел. Игорь уж точно.

Наутро чуть сонные и помятые, но при этом влюблённо держащиеся за руки, они решали, что делать дальше. Поезд уходил в шесть. До него оставалась куча времени. Игорь предложил поехать на море. Машины у него тогда ещё, конечно, не было. Они оставили вещи в общежитии и налегке сели на рейсовый автобус. Море в тот год остыло быстро, и хотя в целом погода стояла тёплая, а днём даже жаркая, купание уже пахло доступным не каждому экстримом. Они гуляли по берегу, держась за руки, целовались, дурачились в полосе прибоя, убегая от волн. Там их и заприметил Порфирияч – необычный дядька под пятьдесят с заливчатскими усами в стиле Эркюля Пуаро, в узорчатой жилетке поверх белой рубашки, в широких, закатанных по низу штанах и светлой, заломленной на один бок шляпе. На шее

удядьки висел кофр с фотокамерой. Он представился Порфирьичем, сказал, что они изумительной фотогеничности пара, и предложил им романтическую фотосессию. В шутку Иванка предложила фотосессию в стиле ню, Игорь, смеясь, поддержал, а Порфирьич ухватился за эту идею и пообещал сделать красиво и непошло.

Сердца Игоря и Иванки переполнял задорный кураж. Они нашли место подальше от людских глаз и приступили.

Это была игра. Необычная, интересная, завораживающая. И возбуждающая. Тело Иванки не имело изъянов, он изучил его во всех подробностях ещё ночью. Гладкая кожа, плавные изгибы, волнующие формы. Да и он был на пике, так сказать. Грань они не переходили, никаких отклонений в сторону порно. Но именно эта грань, этот баланс на рубеже дозволенного будоражил неимоверно.

Они увлеклись. Порфирьич говорил, что следует делать, но местами пускал происходящее на самотёк и лишь наблюдал через видоискатель, выжидая нужный момент. В такие минуты Игорь забывал о съёмке, целиком поглощённый ласками Иванки. А ласкать она умела.

Никто не обмолвился ни про какие деньги. Это было действие на энтузиазме. Это была сказка, которая не повторится никогда.

Порфирьич был настоящим художником и сдержал обещание избежать пошлости. Самое удивительное, он снимал не на «цифру», он снимал на чёрно-белую плёнку. На фотосессию он потратил три катушки. На выходе получилась дюжина отличных снимков. Возможно, хороших кадров было больше, но в авторской галерее в интернете обнаружилось именно столько.

Галерею в Сети Игорь нашёл много позже. А тогда... Они очнулись от магии собственных тел и обнаружили, что времени уже в обрез. Нужно было срочно возвращаться, чтобы успеть на поезд. С Порфирьичем простились впопыхах, сунутую им бумажку с телефоном Игорь потерял сразу же, наверное выпала в автобусе. Иванку он посадил на поезд в последний момент. Она тоже написала ему номер телефона, но номер, как позже выяснилось, был неправильный... Может, его знакомая ошиблась в спешке, но скорее Иванка хотела, чтобы это приключение, эта сказка не имели продолжения. В принципе, Игорь её понимал.

Доказательством того, что сказка всё-таки была, служили двенадцать фото на сайте сделавшего их фотографа. Иногда, тайком от Насти, которой он никогда не рассказывал эту историю, Игорь заходил в галерею Порфирьича и смотрел на обнажённую целующуюся, обнимающуюся и глядящую глаза в глаза пару – него и девушку по имени Иванка. Девушку, с которой он провёл одну ночь и один день и не встретится больше никогда в жизни. Такое вот у Игоря было лекарство от плохого настроения.

Было. До сегодняшнего дня.

«Данная фотосессия снята с показа по просьбе модели». Надпись стояла на месте заглавного снимка. Переход внутрь галереи не работал. Всё остальное на сайте Порфирьича было как обычно.

Игорь безвольно опустил руки. Конечно же, эти фотографии имелись у него в скачанном, сохранённом виде. Конечно же, он открыл папку, успокаиваясь, что мистики в данной истории нет и фото на месте. Просто невероятное стечение обстоятельств. Или неудачный день.

Подумалось, что можно и связаться с Порфирьичем. Узнать подробности, может, даже попросить координаты Иванки. Не даст, конечно. И вряд ли что-то расскажет. Когда несколько лет назад Игорь нашёл данный сайт, он уже писал мастеру. «Личную информацию моделей не разглашаю» – такова была его безоговорочная и, в принципе, достойная уважения позиция.

Оставались сохранённые фото. Игорь в очередной раз полюбовался юными телами, переплетёнными в танце любви на фоне прибоя, и со вздохом закрыл папку.

Человеческие встречи, человеческие отношения, а также красота человеческого тела – мимолётные вещи, а вот море... море пахло вечностью.

Игорю позарез понадобилось к этой вечности прикоснуться.

3. Море

В последнее время он редко брал машину. Если быть точнее, он редко брал машину с тех пор, как от него ушла Настя. От дома до работы без труда можно было добраться на маршрутке, и занимало это обычно не более двадцати минут, в то время как в гараж нужно было идти минут десять, ещё столько же проводить там, подготавливая автомобиль к поездке... По меньшей мере столько же... Ну, потому что автомобиль у Игоря был отечественный, да ещё и неновый, а отечественному, ещё и неновому, автомобилю нужно оказывать хотя бы минимальное внимание. Плюс дорога... Вот и получалось, что на маршрутке было и дешевле, и быстрее, и надёжнее.

Так что Игорь брал машину, только когда накапливалось несколько важных дел помимо работы. Ну а сейчас машина бралась для удовольствия.

Игорь проверил давление в шинах, уровень масла, наличие всех других жидкостей, заглянул под днище, находя в этих действиях сегодня какое-то наслаждение и умиротворение. Завёл машину и, пока она прогревалась, протёр все стёкла, уложил сумку на заднее сиденье.

И поехал.

Около университетской остановки, где обычно приходилось долго стоять на светофоре, он поймал себя на мысли, что раньше всегда здесь делал музыку погромче и украдкой поглядывал на хорошеньких студенточек, ожидавших автобуса. Ждал, что на него обратят внимание. Сейчас он поразился этим глупым мыслям. Повзрослел. Или, скорее, начал считать свою машину недостаточно интересной. Так оно и было, но раньше его это не останавливало. То есть всё-таки повзрослел.

В общем, звук громче он не сделал и глазеть по сторонам не стал.

На него тоже никто не посмотрел.

За городом Игорь разогнался, но лететь на пределе, словно убегая от кого-то, не стал. Просто ехал, расслабившись, поглядывая по сторонам. За несколько километров до конечной точки путешествия он увидел безлюдные зелёные холмы как с картинки и, включив правый поворот, съехал на обочину. Пыльная и грязная придорожная трава уже через пару шагов превратилась в пышный густой ковёр, украшенный маленькими белыми и жёлтыми цветами. Бабье лето...

Игорь взобрался на один холм, на второй, третий... и его охватило необъяснимое чувство простора, земля ушла куда-то вниз, а он остался, и вместо привычных перспектив перед ним... нет, даже вокруг него, оказалось небо – простор безграничный и какой-то осязаемый.

«Вот же! – проговорил про себя Игорь. – А ведь я никогда раньше такого не ощущал».

Он раскинул руки как можно шире, запрокинул голову. Синь неба была настолько пьянящей, что захотелось зачерпнуть её ладонью или, того лучше, нырнуть в неё, разрезая телом.

Он уже даже видел себя как бы со стороны, висящего в нескольких сантиметрах над землёй, ощутил (хотя не понимал, как это вообще можно ощутить), как проворачивается под ним планета.

Душу переполнило ощущение осторожной радости. Осторожной оттого, что радость эту казалось так легко спугнуть.

Так и произошло. Со стороны шоссе послышались гудки: водитель большой фуры выразил недовольство его парковкой. Игорь проводил взглядом скандалиста, а когда вновь повернулся к холмам, иллюзия объёмности и глубина неба исчезли. Сказки больше не было. Тогда он вздохнул и, нащупав в кармане ключи, пошёл к машине.

Берег был каменистый, грязный, засыпанный мусором и кучками подсыхающих тёмно-бурых водорослей, прижатый со спины развалившимся бетонным забором. Но у него имелось одно неоспоримое преимущество: он был безлюдный: ближайшая машина с каким-то тихим любителем подводной охоты виднелась метрах в трёхстах. Обычно они с компанией не останавливались здесь: девчонки хныкали, что на этих камнях только ноги ломать и вообще пляж плохой – ехали дальше, где пляж был лучше, где... фотосессия при особом таланте могла стать бесподобной.

Настя иногда соглашалась и на это место.

Море, несмотря на неприглядный берег, было чистым, и медуз почти не наблюдалось. Не то чтобы Игорь их боялся, но всё-таки когда приходится разгребать желеобразные тельца руками... Не особо это приятно.

Через пять минут Игорь уже опустил своё освобождённое от одежды тело на выдавший виды пляжный коврик.

Над берегом стояла удивительная, наполненная мирным спокойствием, тишина. То есть не полная, абсолютная тишина... разве это слово совместимо вообще со словом «прибой»? Просто не было привычного для таких мест шума: визга детей, лая собак, хлопанья дверей автомобилей, бумканья модной музыки...

Пару раз Игорю слышались какие-то голоса... будто бы рядом, за грудой камней, но в следующий миг он понимал, что разговаривающие люди далеко от него, просто так расположился воздух, что легчайший порыв ветра донёс этот звук.

Вообще звуки словно дробились, распределяясь по слоям. Дальний слой составляли треск моторной лодки, гул пролетевшего самолёта, шум машин с шоссе. Это были звуки цивилизации, и очень хорошо, что они были в дальнем слое. Ближе звучали редкие человеческие голоса, крики каких-то птиц, шелест порванного кулёка, зацепившегося за колючку, ну и совсем рядом – тонкий треск кузнечиков и плеск волн. Плеск волн вообще можно было вынести в отдельную категорию – ленивый, умиротворяющий, монотонный. Фон ко всем остальным звукам...

Как хорошо, что здесь и сейчас голос ветра и моря ничто не заглушало...

Вода была прохладной даже у берега. Игоря не волновало это обстоятельство, он не ставил цель обязательно искупаться. Но зачем он тогда ехал? Чтобы не отвечать себе на последний вопрос шаблонными книжными фразами, вроде «У моря я хотел поразмыслить о жизни», вчерашний именинник зашёл по колено, привыкая, думая о моржах или хотя бы приезжих, например сибиряках, которые преспокойно могли залезть в море и в октябре. Наконец, собравшись с духом, он плюхнулся в воду, выкрикнул сдавленное «ух ты!» и, работая

энергично руками, поплыл. Согревшись в движении, Игорь подумал о закрытии сезона и попытался запомнить это ощущение бодрящей лазурной воды, тёплого, но не жаркого уже солнца, прозрачного воздуха, законсервировать всё это в памяти.

Во второй заход, после того как тело вдоволь погрелось на солнышке, он входил в воду быстрее, практически бухнулся. И, поняв, что никто его не видит, принялся бултыхаться, нырять, дурачиться, прыгать с камня... Игорь делал это, словно хотел наплаваться и наныряться за всех, кого нет с ним. Потом он понял, что это глупо. Но остановился не сразу, проскрёб животом дно, полежал минуточку на мелководье, потом выбрался на коврик, с фырканием вытерся полотенцем, попрыгал то на одной, то на другой ноге, выливая воду из ушей. Упал на своё ложе, тёплое и родное, и понял – завод кончился. Стало грустно.

Вспомнилось, как однажды на этом берегу их с Настей прижало нестерпимое желание и они, спрятавшись в камнях и накрывшись большим полотенцем, занимались тут посреди бела дня любовью. Но фишка была не в этом. Когда всё закончилось и Игорь с блаженной улыбкой уставился в сторону горизонта, Настя стала пытаться его, о чём он думает. Немного посопротивлявшись, Игорь абсолютно честно рассказал ей, что думал о высоте прилива в этих местах, о кораблях на воздушной подушке и о водомерках, умудряющихся своими хитрыми лапками удерживаться на поверхности воды. Настя тогда была поражена. Она думала, Игорь над ней прикалывается. А он действительно после секса думал о всех этих вещах.

На обратном пути Игорь попался в лапы гаишникам. Это случилось сразу при въезде в город, соответствующий дорожный знак ещё даже не успел исчезнуть в зеркале заднего вида. «За что?» – можно было не спрашивать. И так ясно. Превышение скорости и обгон через сплошную. Ведь здесь подчиниться правилам было нелегко: трасса, казалось бы, не кончилась, город ещё не начался, к чему всё это – тормозить и плестись за гружёным самосвалом в горку. Ну и что, что одна полоса... Ну и что, что сплошная...

Молоденький гаишник резво подскочил к нему, буркнул что-то неразборчивое, представляясь, и, глянув документы... унёс их с собой в патрульную машину. Игорь остался. Обычно в случае нарушения приглашали и водителя следовать туда же, но на самом деле его не часто останавливали, чтобы иметь уверенность, что эти действия сотрудников автоинспекции – правило. К тому же в патрульном авто уже сидел кто-то. Собрат по несчастью...

Игорь вздохнул, вышел из машины и стал ждать.

Про него забыли минут на десять, а то и больше. Гаишники занимались своими делами, кого-то ещё затормозили, а в отношении его, Игоря Астахова, ничего не предпринимали. Если бы он сейчас спешил по важным делам, то, безусловно, нервничал бы, злился, психовал. К счастью, важными делами сегодня и не пахло...

Самолёт пересёк всё небо с запада на восток, оставляя за собой белый след. Игорь, задрвав голову, проводил его взглядом. Понаблюдал, как в стороне вороны взламывают скорлупки грецких орехов, как забавно тормозят водители, обнаруживая за кустами патрульную машину, как медленно составляются протоколы на нарушителей.

Наконец, спустя целую вечность, вспомнили и о нём...

За это время, видимо, что-то произошло, потому как перед Игорем неожиданно вырос другой гаишник, не тот, что непосредственно его останавливал, и, смерив странным взглядом, в котором читались одновременно сочувствие и презрение, протянул документы.

– Игорь Владимирович, есть моменты, когда спешить опасно, а есть – когда опасно не спешить, – сухо сказал он. – Подумайте. Счастливого пути!

Он отвернулся и зашагал к патрульной машине.

Игорь, уже давно морально приготовившийся к нудному составлению протокола и последующему штрафу, опешил от такого поворота. Проверив, все ли документы на месте, он залез в машину и торопливо завёл двигатель, будто боялся, что гаишник может передумать.

Настроение на остаток пути было подпорчено, однако о самом инциденте Игорь на какое-то время забыл.

До вечера.

Вечер ожидался по-настоящему холостяцкий, диванно-телевизионный. Об Игоре так никто и не вспомнил. Это уже немного нервировало, но только немного. «Завтра, – решил Игорь, – займётся этим завтра». Он разогрел тушённое с овощами мясо, приукрасил тарелку салатами, сделал пару бутербродов, не забыл про пиво... и со всеми этими вкусностями уселся перед телевизором, мечтая найти какой-нибудь старый добрый фильм, памятный с детства. Так вечер мог стать по-настоящему приятным. Фильм он нашёл – старую французскую комедию – но в рекламной паузе показали ролик со спешащим куда-то автомобилем, и это напомнило ему о сегодняшнем случае и о странных словах инспектора. А слова действительно были странными. «Опасно не спешить». Так обычно не говорят, тем более человек такой профессии... Вот если бы он сказал: «В некоторых ситуациях можно спешить, а в некоторых **нельзя**», – это было бы правильно. Но он сказал иначе. Почему?

Игорь долго думал над этим вопросом, но ответа так и не нашёл.

4. Выход в утро

Сон ему приснился соответствующий, как раз про спешку и «запаздывание». Ему приснилось, что он – студент, чудовищно затянувший с написанием какой-то серьёзной курсовой работы. И вот последний день сдачи, на кон поставлено всё. С чертежами под мышкой он спешит разыскать экзаменатора, но не знает, куда идти. Коридоры института, целый лабиринт переходов, лестниц, тупиков. Он мечется по ним, не в состоянии никого найти, нервничает, злится: ведь время уходит, его товарищи уже всё сдали.

Гулкие пустые коридоры. Закрытые классы. Насмешливо звенящие лампы в пыльных светильниках. И никого...

Страх и беспомощность достигают предела, когда он неожиданно вваливается в холл, где есть люди, где комфортно и уютно. На миг он забывает о своих поисках, о сдаче курсовой, он идёт к людам, но обращает внимание на портрет в чёрной рамке, висящий на стенде. На портрете – тот самый преподаватель, которому предстояло сдавать кое-как слепленный труд.

– Я опоздал? – спрашивает он окружающих, подходя ближе. – Я что, вправду опоздал?

Вокруг молчание. Он начинает трясти людей, хватать их за руки, но они его не замечают. Совсем. Кто-то не отрываясь смотрит на портрет. Смотрит и Игорь. Стекло портрета отсвечивает, и получается, что он смотрит на самого себя в чёрной рамке... Как в зеркало...

Осознать, что всё это сон, было большим облегчением. Игорь проснулся, какое-то время полежал, привыкая к яви, впуская в себя необходимые знания о том, кто он, где он и что

вообще происходит. То, что он вспомнил, не принесло особой радости, за исключением одного факта: он в отпуске. Решив, что спать больше не будет, он выбрался из-под одеяла и как был, в майке и трусах, вышел на балкон.

Раннее сентябрьское утро было прекрасным.

Рассветло, но весь окружающий мир был ещё окутан светлой невесомой дымкой – настоящий коктейль из тумана и дыма первых костров, на которых жгут упавшую до срока листву. Небо цвета топлёного молока клубилось на восходе, готовясь впустить в мир солнце. Расположившиеся на карнизе голуби ждали этого момента, оживлённо воркуя. Сорока ничего не ждала. Она летела по своим сорочьим делам чуть выше крыш домов, Игорь увидел её снизу, увидел, как она делает взмахи крыльями, отдалённо напоминая пловца брассом. Она пролетела и скрылась.

Было прохладно, но прохлада несла свежесть. Воздух был чистым, сырым и ароматным. Где-то чиркала асфальт метла дворника. Проехала машина, неуместная в этой утренней идиллии. Игорь постоял ещё, потом, продрогнув, нырнул в квартиру и, пребывая в каком-то необычно бодром настроении, сделал зарядку, разминая застывшие после сна мышцы.

Сегодня хотелось быть в форме. Сегодня тот, про кого забыли, решил сам о себе напомнить.

Лучики встающего солнца разрезали исчезающий туман, превратив прекрасное сентябрьское утро в великолепное, будто с полотна талантливого художника. В потоках света, прорезающего кроны деревьев, заискрилась роса на траве, обозначились протянутые за ночь паутинки, затанцевала, закружилась искорками мошкара.

Игорь, гладко выбритый, причёсанный и приодетый, неспешно шёл по району и думал о том, что вот сейчас как ни в какое другое время истончается граница между городом и тем, что лежит за его пределами, то есть остальным миром. Летом такого не бывает. Летом в городе жарко, душно и тесно, учащённый пульс магистралей отдаёт в висках. Зимой тем более разница велика. Слякоть разбитых дорог в противовес укрытым снегом полям и лесам, где тишь да красота. Весенняя экспозиция города тоже не сравнима с полевой: просто нельзя не жмуриться от яркости асфальта, стен домов и контрастирующей со всем этим синевы неба.

А вот если сентябрьским утром в парке смотреть в сторону встающего солнца...

Эти лучики, словно выискивающие что-то прожекторы, эта лёгкая желтизна деревьев, этот прозрачный воздух, который легко и приятно вдыхать, росинки на траве... Словно ты не в прочном капкане улиц, а где-то там, где леса и луга, где горизонт – не ломаная линия из домов, а земля – не огороженная заборчиком клумба, а нечто большее... Да, только ранней осенью возможно такое.

Стайка воробьёв вспорхнула с какого-то куста и понеслась по коридору из ветвей, словно эскадрилья истребителей, пересекая зоны света и тени, и исчезла где-то вверху. Игорь проводил беспечных птиц взглядом и задумался. Вот он сравнивает город и не город, но есть ли у него право об этом судить? Ведь он родился и вырос в городе. В его активе только короткие вылазки на природу, пикники, лёгкие туристические прогулки. Так, чтобы на недельку проститься с цивилизацией, жить в лесу, преодолевать километры с рюкзаком за плечами – он ведь даже в такие походы никогда не ходил. Что он может знать о природе, о дикой природе? Только то, что можно прочесть в книгах или увидеть на экране телевизора. И о жизни в деревне он тоже ничего не знает. Точнее, знает что-то понаслышке, что-то видел и сопоставил, когда проезжал мимо, но копнуть поглубже в суть этой жизни... Разве способен на это коренной горожанин?

Да что там село, он и про другие города сказать ничего не может. Он знает только свой, в котором родился и вырос. Он не видел других городов, вернее, видел некоторые, но мимоходом, проездом, вскользь. Судить о чужой жизни не имея на то оснований – неправильно.

А что тогда мог рассказать Игорь про свой город? Что в нём есть такого? Его город был не велик и не мал. До звания курортного он не дотянул сто двадцать километров, средоточием промышленности ему не суждено было стать, центром туризма – тоже. Река через него не текла. Это был такой... город-середнячок. Игорь даже очень смутно знал историю его возникновения. Она его не интересовала. Какие-то люди пришли сюда в незапамятные времена и решили здесь жить.

В социальном плане родной город Игоря тоже находился где-то посередине. Жители окрестных деревень, посёлков и совсем маленьких городков грезили переселиться сюда, потому что тут можно было заработать и жизнь виделась легче, а земляки Игоря, кто порасторопнее, мечтали перебраться в города покрупнее, где перспектив и возможностей для заработка имелось поболее. Одно время Игорь тоже мечтал сменить место жительства. Мечтал не очень настойчиво, а так... в стиле «Хорошо бы уехать...». Не уехал. Даже не попытался. Прежде всего, воспротивились родители, а потом и он сам поразмыслил и решил, что слишком много держит его здесь.

Что интересно – одним из моментов, перевесивших тогда чашу весов в пользу «остаться», были его друзья, он не представлял, как потеряет их всех, как будет жить один в чужом, незнакомом городе, большом и хищном. Но друзья и приятели через несколько лет и сами разлетелись, разбежались, уехали в другие города или вообще за границу. Конечно, уехали не все, только некоторые... Но, в общем-то, уехали лучшие... Самые незаурядные, можно сказать, личности, умные, целеустремлённые, с амбициями, с которыми всегда было интересно. Они знали, что им здесь не то чтоб ничего не светит, но здесь им тесно, здесь им не развернуться, они не смогут реализоваться в этом городе, а может даже и стране, просто не те условия. Правда, кто-то из тоже умных и способных нашёл себя здесь. Это, как правило, были ребята со связями или с чем-то похожим на семейный бизнес. Но по сравнению со смельчаками, уехавшими в никуда, они, конечно, проигрывали.

Проигрывали... Это, в общем-то, был не факт. Например, многие девушки так не считали. Их эти оставшиеся и устроившиеся в жизни интересовали гораздо больше. Девушки расхватывали их, как дефицитный товар...

В общем, те, у кого были только мозги, уехали. Те, у кого были руки или связи, остались. Те, у кого не было ни первого, ни второго, ни третьего, конечно же, тоже остались. Принадлежность к последним Игоря сейчас уже перестала смущать...

Если не беречь старые раны.

5. Отвергнутый

Он услышал эти слова от Виктории, что была первым номером его списка.

– Игорь, я уезжаю.

– Что? – Он не поверил своим ушам: такое совпадение. Вот только что, шагая по утреннему городу, он размышлял на тему переездов...

– Ты слышал. Я уезжаю. В столицу. Один старый знакомый предложил хорошую работу.

– Ах, старый знакомый, значит...

– Ой, перестань! Да, знакомый.

- Вика, а как же... Я думал, что... наши отношения... они...
- Какие отношения, Игорь? Что ты себе нафантазировал?
- А разве то, что было, – это...
- Нет! Да и когда это было?!

Она отвернулась к окну, плотно сжав губы. Каштановые волосы заблестели на солнце. Пальцы вместо недоступной сигареты сжимали в руках карандаш. Крепко сжимали. Она нервничала. За прозрачной перегородкой располагался главный зал офиса, оттуда поглядывали любопытные коллеги.

– Почему ты молчала?

– Не хотела сглазить.

– Но почему так, Вика? Именно так? Мы могли бы... в другой обстановке... Поговорить... У меня был День Рождения. Ты забыла, да?

– Игорь, у меня сейчас столько забот, ты себе не представляешь. Здесь дела сдаю, все долги подбиваю. Квартирный вопрос решается с трудом, ещё куча всего. Ни на что нет времени.

– Ты продаёшь квартиру?

– Нет... Ну... В общем, да.

– Значит... ты уезжаешь насовсем?

– Только сейчас это понял? Да. Я сваливаю!

В душе у Игоря стало пусто и холодно. И обидно.

– Я в отпуске. Мог бы помочь... – пробормотал он уже на автомате.

– Я и так прекрасно справляюсь.

Игорь задумчиво потерял мочку уха.

– Когда ты уезжаешь?

– В среду. – Вика опустила глаза и проговорила уже тише: – Послушай, ты извини, что так получилось. Я не хотела тебя обижать. И с днём рождения поздравляю. Но я сейчас вся издёрганная. Всё это сложно...

Игорь кивнул.

– Значит, и помощь моя тебе не требуется...

Виктория промолчала.

– ...и сказать-то нам больше нечего, так?

– Игорь, ну что ты ко мне прицепился?! Я не давала тебе никаких обещаний и от тебя ничего не требовала. И, вспомни, я всегда говорила, что не представляю себе жизни в этом сонном городишке, в этом болоте...

– Да... И город для тебя ничто, и я для тебя никто... – Он огляделся вокруг, подмечая, как работники в офисе прячут лица и делают вид, что очень заняты. – Ладно, тебе, полагаю, нужно работать, сдавать дела. Я не буду мешать.

Игорь вздохнул и направился к выходу.

– Спасибо за понимание. – Трудно было понять, то ли она издевается, то ли серьёзно.

Он не оглянулся.

– Прощай.

В самом конце до его слуха донёсся её громкий вздох. Игорь знал, что он означает. Ей было жаль. Но не Игоря, не себя, а просто того, что не удалось проверить всё в тайне.

Игорь миновал коридор, никого не встретив, и покинул офисное здание, в котором никогда в жизни больше не окажется.

Прежде чем спросить себя, а куда, собственно, лежит его путь, Игорь прошагал километра два по сложной траектории, которую не повторил бы и не объяснил. На душе было сумрачно, обида жгла под сердцем. Но убиваться с горя он не собирался. Ну, дала от ворот поворот, ну разве он не предполагал такого развития событий, когда подкатывал к этой «бизнес-вумен», к этой карьеристке, для которой работа превыше всего. Предполагал. Нелегко, конечно, проглотить такую пилюлю, но к счастью, есть и другие девушки... девушки без выкидонов, общаться с которыми просто и приятно.

Сейчас, в этот прекрасный сентябрьский денёк, такое общение было бы как нельзя кстати. Улыбочки, шуточки-прибауточки, обмен новостями... Так, чтоб не думать, о чём заговорить, не взвешивать каждое слово, просто болтать...

Да, именно то.

Игорь остановился, мысленно встряхнулся, огляделся и, прикинув маршрут, решительным шагом направился на проспект.

Анька была рыжей. Настоящей такой рыжей, с маленькими веснушками, курносым носиком и зелёными глазами. Хотелось сказать: «Она была рыжей, и это всё объясняло». Но это на самом деле ничего не объясняло. Внешность Аньки и то, что она была озорной, общительной и болтливой, – это были два независимых факта. Но почему-то их хотелось обязательно как-то увязать.

Анька... Живая, озорная, болтливая девчонка. Именно девчонка. Разница в возрасте между ними достигала предельной, по мнению Игоря, величины – десять лет, но эти десять лет не являлись бездной, как можно было ожидать. Когда она поджигала его своим неуёмным весельем, увлекала разговорами, Игорь сбрасывал с плеч груз прожитых лет, несостоявшейся карьеры и неудачного брака. Всё это забывалось, и оптимизм переливался от неё к нему, когда их взгляды встречались или встречались губы... или тела. Последнее, правда, случилось лишь однажды, но Игорь очень надеялся, что повтор возможен.

Аня училась на модельера одежды и подрабатывала на ксероксе в гостинице «Вега». Туда он и направился.

Игорь вошёл в здание гостиницы, мимолётно оценив свой вид в отражении стеклянной двери. Картинка его удовлетворила.

Стол с копировальным аппаратом располагался за углом, недалеко от входа, прямо под одним из огромных окон, смотрящих на улицу. Через такое окно был виден почти весь проспект и все входящие и выходящие из гостиницы. Игорь пожалел, что его приближение, скорее всего, уже раскрыто, если только Анютка не занята с клиентами или не увлечена каким-нибудь журналом.

Оказалось, что Аня действительно занята. Очень. Занята высоким, коротко стриженным парнем, с которым она обнималась прямо на рабочем месте, пока никого не было.

Игорь застыл, не спеша появиться из-за газетного стенда, который соседствовал с отделом ксерокопии и в данный миг скрывал его. Отвёл глаза, но потом снова посмотрел.

Вот тебе и Анька! Вот тебе и Рыжик! Действительно, кто сказал, что у неё есть какие-то обязательства перед ним? И с чего он вообще взял, что у неё никого нет? Может быть, нет серьёзной и постоянной связи, но... но это же Анька! Под её чары легко попадёт любой, стоит ей только захотеть. Зелёные глаза ведьмы опалят огнём и... И всё! Он же знал, как это может произойти. Такие они, непостоянные отношения. Ты не обязан ей, но и она не обязана тебе.

Парень прошептал ей что-то на ухо, она заулыбалась и потёрла ёжик на его макушке.

Что теперь? Подходить однозначно глупо... Размечтался, понимаешь ли... Поделом!

Игорь уходил разозлённым. Неизвестно, правда, на кого больше – на Аньку или самого себя. Вышел из гостиницы и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Злость незаметно рассосалась спустя полчаса. Игорь бродил по улицам, разглядывал витрины, заходил в магазины. Заходил просто так, без цели. Очень скоро это стало увлекать его.

Вообще, бывшая жена Настя, да и другие представительницы прекрасного пола знали Игоря как непримиримого противника шопинга. Долго ходить по магазинам для него было настоящей пыткой. Он быстро становился угрюмым и раздражительным, конфузился от желания тратить деньги на незапланированные покупки, бесился от трудности выбора, и ещё его злили толпы народа, которые неизбежно присутствовали рядом.

Но при этом в детстве некоторые торговые точки имели для него притягательную силу. Спорттовары, магазин часов, позже салон звукозаписи. И ещё птичий рынок.

Игорь вспомнил, как мог объехать весь город в поисках какой-нибудь детальки на велосипед, как серьёзно относился к выбору аудиокассет или как почти полгода каждое воскресенье заходил смотреть на подзорную трубу в универмаге, пока ему не подарили её на день рождения.

Конечно, дело было не в шопинге как таковом, а в конкретных его условиях – тематике и компании, вернее в её отсутствии. Он не понимал, как может собраться компания из трёх, допустим, подружек и на полдня отправиться путешествовать по бутикам и салонам. Ну, вот если бы три мужика, едущих на совершенно разных машинах, специально встретились, чтобы вместе бродить по авторынку. Причём покупки у каждого – свои. Ведь бред же, если разобраться!

Игорь улыбнулся этой мысли и вошёл в очередной магазин. Эх, видела б его сейчас Настя!

На самом деле он просто давно не попадал в такую ситуацию, когда никто не мешает, некуда спешить, в кармане есть деньги, ну и... Захотелось купить и то и это. Вот просто захотелось. Останавливало лишь сильное нежелание таскаться с пакетами. По этой причине он отказался от приобретения понравившейся рубашки, новой книги и крема для бритья. Зато купил тонкий фломастер для дисков, флэшку и универсальный видеокабель – это без труда разместилось по карманам. В целях пополнения домашней аптечки взял таблетки от головы и лейкопластырь. Держать руки свободными до конца, правда, не получилось, но бутылка пепси, подцепленная за горлышко, была временной и нетяжёлой ношей.

Волна отпускного шопинга привела Игоря ещё в одно место, на первый взгляд совершенно не мужское. Впрочем, иллюзия гендерной принадлежности его не смущала. Место, точнее, магазин был, по мнению Игоря, интересным и приятным. К тому же тут у него имелась знакомая...

В магазине продавалась посуда, а знакомую звали Татьяной.

Витрины с чашками, стаканами и бокалами притягивали его. Но дело тут было не только в красоте, эстетике и тому подобном. Каждый предмет на полке таил в себе зерно, некий зародыш будущей истории. Хорошей, доброй, а может и не совсем, истории. Тут был простор для фантазии. Вот из этой чашки будет пить кофе на балконе хрупкая темноволосая девушка, вот эти бокалы предназначены для момента признания в любви, этот фужер тихо простоят в серванте, а потом банально разобьётся при очередном вытирании пыли. Из этого чайного сервиза будет пить вечерами чай целое семейство. Из этих дешёвых рюмок – компания поддающих мужиков в гараже. Керамический чайник отправится в подарок в деревню. Кувшин

для молока на долгие годы запомнится конопатому мальчишке. Большая часть хрустала будет скучно смотреть в миры сотен семей, сотен домов. Столько историй, большинство банальных и невыразительных, но и добрых тоже немало...

Татьяна продавала эти истории. Вернее, продавала посуду, а истории... люди потом сочиняли сами.

Войдя в магазин, Игорь огляделся и вначале не увидел Тани, но потом стройный высокий силуэт обнаружился в соседнем отделе, где его знакомая что-то обсуждала с другой продавщицей. Игорь, играя роль созерцателя-покупателя, окунулся в расположенный вокруг стеклянно-керамический мир, ожидая, когда она вернётся на своё место.

Таня была высокой худощавой девушкой с длинными прямыми волосами естественного тёмно-русого цвета. Тонкие черты лица, прямой нос, несколько излишняя бледность... По отношению к ней так и хотелось сказать: «аристократическая натура». Предложение отправиться в кегельбан, какое он собирался сделать Аньке, ей совершенно не подходило. Ей подходил визит в кино, а ещё лучше в театр. Да, стоило отметить, что за последний год он побывал в театре дважды. Благодаря Тане. Сегодняшний день тоже, в общем-то, неплох для театра...

И к чёрту нежелание занимать руки, – подумал Игорь, чувствуя, как поднимается его настроение. Вот если сейчас он договорится пойти куда-нибудь вечером с Таней, то купит себе новую большую кружку, заварочный чайник и, может быть, термос. Потом вернётся за той рубашкой и...

Татьяна появилась на месте с весьма серьёзным и каким-то безучастным лицом. Хотя явно увидела Игоря сразу. Почему-то возникла мысль, что она хотела переждать где-то за витринами, надеясь, что Игорь постоит и уйдёт, но он не уходил и она, понимая, что не может больше не подходить к кассе, появилась.

По-видимому, он угадал.

Татьяна обслужила двух человек, покупавших какие-то вещи, потом вымученно улыбнулась Игорю.

– Привет!

– Привет! Ты давно не подавала о себе вестей. Как делишки?

– Да обычно всё. Работаю.

– Сочувствую. У меня отпуск. Маленький, правда, и уже почти закончился. Ничего не успел особенного.

– Мне до отпуска далеко. Я ещё в мае отгуляла. А сейчас... только работа.

– На море совсем не выезжала?

Таня покачала головой.

– Есть шанс. Море ещё тёплое. Что делаешь в выходные?

– Работаю.

– Работаешь?

– На этой неделе да.

– Тогда как ты относишься к предложению сходить куда-нибудь вечером? Театр, кино?

– У меня мама в больнице. Я сейчас по хозяйству. Двое мужчин на моей шее: папа и брат.

– Мне жаль. Но, может быть, стоит как раз немного передохнуть, развеяться? Совсем чуть-чуть...

– Игорь, я сейчас не могу про это думать. Прости, пожалуйста. В другой раз.

– Конечно-конечно...

В магазине он не купил ничего.

Игорь сидел на лавочке, потупившись, и ел мороженое.

Мимо проходили девушки, они были привлекательны, интересны, красивы, в паре шагов от скамейки их туфельки и босоножки останавливались у холодильника «Эскимо», но Игорь не предпринимал никаких попыток, чтобы улыбнуться, заговорить, познакомиться. Та уверенность в себе, в своих силах, что вышла вместе с ним из дому сегодня утром, куда-то пропала, бесследно растворилась, и теперь Игорь напоминал робкого и неуверенного подростка, которому кажется, что с его внешностью что-то не так и, если он попытается обратить на себя внимание, его просто обсмеют.

Ну да, если уж неудачи постигли его с теми, с кем раньше, казалось, всё было хорошо...

Три девушки. Три облома. Не слишком ли? Такой неудачный день или... Почему-то казалось, что «или». Продолжение истории про то, как его все забывают, или точнее, начинают избегать. С этим срочно нужно было что-то делать. Убедить себя, что это бред.

Мужская компания – вот что требуется. От сердечных проблем помогают алкоголь, дружеский трёп о машинах, спорте, политике, вообще за жизнь. Он уже знал это. Проходили.

Только вот где найти сейчас собеседника-собутыльника? Будний день, рабочее время... Нет, он, конечно, подумал утром о тех, кого не было в списке приглашённых, но кого было бы неплохо повидать, но основной упор в его плане делался на короткие набег типа: «Привет! Как дела? Как бы нам пересечься?» Сейчас же остро захотелось «пересечься» сразу. Он перебрал в памяти знакомых, во-первых, подходящих на обозначенную роль, во-вторых, работающих как минимум посменно, а лучше не работающих вообще. Таких не водилось.

А потом он вспомнил про Русика Казаченко и понял, что в данных обстоятельствах лучше кандидатуры ему не найти.

Русик был, прежде всего, оператором. Зарабатывал тем, что снимал свадьбы, всякие юбилейные вечера, детские утренники. Попутно занимался видеомонтажом. Иногда его голос звучал в какой-нибудь местной рекламе – тоже, несомненно, собственного производства. Для души же Русик работал с девушками: фотографировал их, составлял портфолио и крутил романы. Вёл этакий лёгкий, близкий к богемному, образ жизни, адаптированный под провинциальный город. Вообще-то Руслан и Игорь, если разобраться, были людьми из разных миров и познакомиться могли лишь благодаря случайности. Случайность и определила их в соседи по лестничной клетке.

Пока Игорь добирался до дома Русика, он прокрутил в голове некоторые памятные моменты.

Первая съёмная квартира, эйфория от свободы после двадцати двух лет жития с родителями...

Сосед по площадке. Худощавый невысокий парень с статуировкой на всё плечо, мелированными волосами и настырно отрицаемыми бакенбардами...

Музыка, бьющая энергичным ритмом за стеной, другие отвлекающие звуки эротического происхождения, проникающие сквозь тонкую бетонную переборку...

Квартира соседа, обставленная кое-как и убираемая только из жалости какой-нибудь его знакомой девушкой. Пустой холодильник, мятая разбросанная одежда, но при этом весьма дорогая техника, отношение к которой в высшей степени трепетное и аккуратное...

Коньяк или красный портвейн свободными вечерами и обсуждение самых разных идей...

Ничего так было время!

А потом одна из русиковских моделей познакомила его с будущей женой Настей. Но это случилось, когда место жительства уже пришлось сменить...

Он не видел Руслана давно, но в том и была особенность этого человека, что время не имело значения. На прошлой неделе или в прошлом году – от него можно было ожидать одинаково искреннего приветствия и готовности пить. Именно поэтому Настя не очень его жаловала, хотя, если разобраться, без Руса они не познакомились бы.

Игорь прошёл больше половины пути к последнему месту обитания Казаченко, когда увидел на стоянке нового офисно-торгового центра Костиного шикарного «американца». Что машина именно друга детства Кости Третьякова, он не сомневался, даже на номер можно не глядеть: такой бежевый «Крайслер» был в городе один.

Игорь посмотрел на сверкающее стеклом здание. Значит, переехал Костян... Стоит поздравить, раз подвернулся случай. Русик никуда не денется.

Он вошёл сквозь автоматические двери и поискал в холле информационный стенд. «ТреК-Инвест» располагался на последнем, шестом этаже. Игорь глянул на своё отражение в зеркале, не увидел там ничего недостойного и вошёл в лифт.

Поднялся, оболтус, однако! «Инвест», мать его так!.. Кто бы мог подумать! А ведь алгебру у меня списывал и с биологии через окно сбегал, «Легенду о динозавре» из-под кресла в кинотеатре смотрел и за хулиганом Пыхачем с плачем бегал, умоляя шапку вернуть... Неисповедимы пути, что называется...

Игорь прошёл по коридору, ещё наполненному ароматами новых отделочных материалов, приблизился к солидной вывеске, в названии которой так нескромно красовались инициалы его школьного друга, потянул на себя ручку двери...

Загорелая до смуглости брюнетка за стойкой из стекла и пластика подняла на него глаза.

– Могу я видеть Константина Андреевича? – Имя в сочетании с отчеством (он с трудом вспомнил отчество) звучало совершенно непривычно, но иначе его могли не понять.

– Сейчас он где-то в здании, а вообще он собирался в банк. Но перед отъездом должен ещё зайти. Можете подождать. – Она указала на роскошный кожаный диван.

– Да нет, спасибо. Я немного осмотрюсь там. – Игорь кивнул на дверь, через которую вошёл. – Может быть, встретимся.

Уговаривать его не стали.

Игорь прошёлся по этажу, поглядывая, кто здесь поселился. Увидел выход на балкон, не отказал себе в удовольствии посмотреть на город с новой точки. Высота была не такой уж большой, но окрестные улицы, украшенные фигурками молодых клёнов, просматривались замечательно. Игорь посмотрел вниз, на ползущие по дороге маршрутки и авто, на маленькие фигурки пешеходов на тротуаре и...

...И увидел, как бежевый «Крайслер» Кости вальяжно выезжает со стоянки.

6. Планка

Не везёт. Мне сегодня просто не везёт. Такое случается. Элементарно нужно набраться терпения и не принимать близко к сердцу то, что происходит.

Эх, только бы Русик был дома...

Русик дома был. Мало того, он распахнул дверь через секунду после звонка. И он сразу пригласил старого приятеля войти, вот только радость застряла в гортани Игоря.

Казаченко выглядел плохо. Более впечатлительный человек мог бы сказать ужасно. То ли он только что вышел из запоя, то ли... запой вышел из него. Опухшая физиономия, взлохмаченные волосы, красные глаза с то и дело дёргающимися по сторонам зрачками. Какой-то бесформенный заношенный халат и чудовищные зелёные шлёпанцы.

Он провёл Игоря через захлавленную прихожую, ткнулся на кухню, но передумал, выбрал гостиную. Это было, действительно, лучше, потому что с кухни несло чем-то резким, кислым и химическим. Они разместились в давно не убираемой комнате, за журнальным столиком на тахте, не такой уж старой, но основательно затёртой. Несколько глянцевого журналов, две пустые и одна початая бутылка пива, полная окурков пепельница, обёртки от чипсов и орешков – все эти предметы заполняли исцарапанную, а местами и прожжённую лакированную поверхность и были ещё одним штрихом к картине общего упадка. В соседней комнате, завешенной шторами до состояния сильного полумрака, бормотал телевизор. Едва они сели, бормотание исчезло и хриплый женский голос с тоскливой надеждой спросил:

– Это Макс пришёл?

– Нет! – громко и раздражённо ответил Руслан.

Телевизор снова обрёл звук.

Полупустая бутылка пива забулькала в горло хозяина квартиры, делаясь ещё более пустой.

– Фигово? – не зная, как начать, спросил Игорь.

– Ой, не то слово.

– Повод?

– Жизнь, Игорёня, – самый серьёзный повод. Эта грёбаная жизнь, которая одним даёт всё, а другим – ничего.

Бросив короткий взгляд в сторону тёмной комнаты, Руслан извлёк из не приметного чёрного пакета, что валялся сбоку тахты, маленькую, на треть литра, бутылку с пивом и протянул Астахову. Видимо, бутылка предназначалась той телезрительнице, но... планы изменились.

– На-ка вот.

После короткого мига сомнений, Игорь щёлкнул пробкой.

– Чёрная полоса? – осторожно поинтересовался он, отхлёбывая пиво. Что-то в Руслане было сегодня такое, что делало общение с ним неприятным и даже пугающим.

– Ага, одна сплошная чёрная полоса.

– Так не бывает.

– Да ну?! – Руслан метнул на Игоря тяжёлый, бронебойный взгляд. – Это смотря что иметь в виду.

– А ты что имеешь в виду?

– Планку.

– Чего?

– Планку, выше которой... – Окончание мысли он выразил энергичным мотанием головы.

Игорь молчал, чувствуя себя более чем неловко. Пиво было тёплым и невкусным, старый знакомый – странным и малость неадекватным.

– Моцарт и Сальери. Знаешь, ага? У одного не было никаких ограничений, у другого – планка. И как ни рви задницу, как ни работай, её не преодолеть. Я – человек с планкой. И нас

таких... – он выколупал из порванной обёртки половинку орешка и отправил в рот, – до фи́га и больше.

– Ну, поскольку нас таких много, может, с этим смириться, и все дела?

– Нас? – Руслан задумчиво почесал затылок, хотел что-то сказать, а потом запнулся.

– Понимаешь, – продолжил он, морщась, то ли от пива, то ли оттого, что вынужден говорить об этом, – у меня была цель и смысл жизни – стать знаменитым. Стать звездой. И я шёл по этому пути, а потом прозрел.

– В каком смысле?

– Ну, вот представь... Кино. Фильм. Титры. Там заголовочек такой: «В эпизодах». И список людей. Актёров. Но знаем ли мы их? В лицо, по фамилии? Конечно, нет! А их много. И это тоже люди, которые стремятся к чему-то такому... Известности, популярности... Шанс свой ловят... А ведь девяносто девять процентов из них так и останутся «эпизодчиками». Официантами, посыльными, лицами из толпы... секунда, ну минута в кадре. И всё. Это, Игорёша, и называется планка. Кармическая планка. – Пальцы Руслана застучали по столу. Лицо оставалось неподвижным. – Идём дальше. Музыканты. Какой музыкант не хочет популярности?! Мегапопулярности! Ну, и многие её добьются? Я даже не о новичках говорю. Вот группа какая-то чего-то достигла, её знают. Её знает определённый круг лиц в определённом городе. А дальше? Дальше! А фиг дальше! Один из десяти сможет пройти в следующий раунд. А может, из ста... А остальные, если не бросят, останутся лабухами... или крутыми рок-н-рольщиками, записавшими к десятилетию группы дебютный альбом. А-фигеть!

– Но это жизнь, дружище, – попробовал осторожно возразить Игорь, – фортуна. Идущие в шоу-бизнес прекрасно знают: шансы сорвать банк мизерные.

– Нет, Игорёня, – предельно серьёзно выцедил Рус. – Это не совсем так. Это общеизвестный и, возможно, культивируемый некими группами миф.

– Какой ещё миф? Какими группами?

– Какими – не знаю. А миф... Миф о равенстве шансов, о рулетке, о покере, о всём таком...

Игорь с трудом сдержал реплику о том, что это – полная хрень. Счёл за лучшее промолчать.

– На вершину вылезут не те, кому повезёт, а те, кому это позволят.

Не выдержав, Игорь хохотнул:

– Тю! Тоже мне открытие сделал! Это «волосатой лапой» называется. И не только в шоу-бизнесе.

– Ёпт! Никакая «волосатая лапа» не протащит выше планки. Пойми ты!

– Руся, не грузи его своей планкой, – донёсся из другой комнаты женский голос, – позвони лучше Макс, спроси, когда он, наконец, придёт?

– Позвоню. Отстань. – Руслан неожиданно сжался, наклонился над столом и принялся раскачиваться взад-вперёд. – Я не могу так жить. Эта черта, эта планка, она не даёт мне дышать, как я хочу. Так вот – хоп! Упала! Давит на плечи...

Игорь понял, что больше не выдержит этого бреда. Но ещё раз попытался...

– А что, если самому поднять эту планку?

– Или сломать...

– Да. Или сломать.

Руслан неожиданно поднял голову и посмотрел Игорю в глаза. В его взгляде было столько всего, что Игорь вздрогнул.

– А я этим и занимаюсь, между прочим.

Он засмеялся каким-то нервным дребезжающим смехом, потом вновь опустил голову, словно на поверхности стола лежало что-то, что требовалось внимательно изучить. С трудом выждав несколько дипломатических секунд, Игорь посмотрел на часы.

– Извини, я пойду. Ещё много дел.

Он поднялся, поставил недопитую бутылку на стол.

Руслан остался на месте, бормоча что-то себе под нос. Кажется, он и не пошёл бы провожать Игоря, но тут в прихожей раздался звонок. Женщина Руслана запричитала что-то снова про какого-то Макса. Тахта заскрипела, сообщая, что не совсем вменяемый приятель Игоря направился в прихожую.

С напряжённым полноватым блондином они обменялись взглядами в дверях. Тот, кого называли Максом, остался, а Игорь облегчённо нырнул в подъезд, не утруждая себя прощаниями. О том, что Казаченко подсел на наркотики, не хотелось думать.

7. Путешествие в прошлое

Порой Игорь жалел, что в его городе нет реки. Река – это красиво. Она протекала бы из края в край, и всегда можно было бы по пути с работы зарулить к берегу, постоять, расслабиться, привести чувства и нервы в порядок, отдохнуть душой, подумать, помечтать... Два берега реки соединял бы мост, и не один наверное. На мосту назначались бы свидания или просто прогуливались люди. Прогуливались и смотрели на бегущую воду, пытаясь соотнести свою суетную жизнь с бегом реки, которая была до них, есть сейчас и будет после.

Но реки не было. Зато вот мост имелся. Железнодорожный. В смысле, не тот, по которому ездят поезда, а тот, который проложен над железнодорожными путями. А за мостом располагался старый район города, прозванный в народе Завокзальным. Название не очень соответствовало действительности, вокзал от этого района находился довольно далеко, но ещё в детстве Игорю рассказали, что если смотреть в ту сторону с колеса обозрения, то Завокзальный район как раз и видится за вокзалом. Так что доля правды тут присутствовала.

Самая первая любовь Игоря жила в этом районе. Самая первая, ещё школьная. Девочка Тамара, с которой он познакомился на курсах по английскому языку. Он провожал её после занятий почти через весь город, и они вместе стояли на мосту. Хотя мост, если по-честному, – это громко сказано, так... мостик. Но тем не менее для детворы... Мост и никак иначе. И вот они стояли на мосту, а внизу под ними блестяли в лучах солнца рельсы и время от времени выстукивали свою монотонную песнь поезда.

Первая любовь... Это что-то такое чистое и наивное, такое сильное и беззащитное, запоминающееся на всю жизнь и вместе с тем что-то основательно забытое. Потому что никогда первой любви не суждено повториться.

Робко, очень робко, Игорь посчитал, сколько лет минуло с тех пор, как они с Тамарой держались за руки и десантировали парашютики одуванцев на крыши пригородных электричек. Вышло почти шестнадцать лет. Эта цифра холодным жгутом сдавила грудь. Как много! Стало страшно. Страшно от силы времени, от его неизбежности, неотвратимости. В памяти воспоминания всегда такие близкие, яркие, словно красивая игрушка, а в реальности... полностью рассыпавшиеся балясины, изъеденная ржавчиной проволоочная сетка, сломанный фонарь. И руки... Руки совсем не того мальчишки касаются всего этого... Эх, время...

Фигура странного задумчивого мужчины, что-то шепчущего и поглаживающего давно не крашенные перила железнодорожного моста, спугнула юную (такую же юную, как пятнадцатилетние Игорь и Тома) парочку, расположившуюся поблизости. Игорь не заметил их, что было, видимо, и к лучшему: не представляло труда накрутить себя очередным примером, что, мол, все его сторонятся. Он прошёл на середину моста, чувствуя, как железобетонная конструкция излучает тепло, что успела вобрать в себя за несколько часов ясного сентябрьского дня.

Игорь постоял ещё, пока абстрактные философские мысли о приходящих и уходящих составах не обрели конкретику. Представилась Вика, уезжающая навсегда из города, вспомнились многие из друзей, кто отправился искать счастья в чужие края. Иванка в вагонеплацкарте тоже вспомнилась. И не важно, что их маршруты могли и не проходить конкретно под этим мостом. Важна суть, а не детали...

Хотя такая деталь, как рельсы, воспеты в песнях и книгах... Отполированные тысячами поездов, миллионами, если не миллиардами колёс, вобравшие ауру неисчислимого количества людей, перемещающихся по ним... Это уже не просто деталь, а нечто символичное и культовое.

Игорь пересёк мост и побрёл вглубь Завокзального района, вспоминая, как всё было здесь тогда, много-много лет назад.

Вот в некоторых случаях говорят: «Тут так всё изменилось!» – а иногда: «Здесь всё по-старому». А бывает иногда так, что верно и то и другое. Вот насчёт Завокзального как раз нельзя было сказать однозначно. То есть объективно – да, старые двухэтажные дома, из которых и состоял этот район, обросли пристройками, гаражами, заборами, на улицах появились ларьки и красочные вывески, на дорогах – новые машины. Небо затянула сеть проводов самого разного назначения. Но взглядеться глубже, в душу этого места, проникнуть за внешнюю маску – и там всё как и прежде. Непрестижная окраина, кому-то тюрьма, а кому-то тихая заводь. Периферия.

И столько всего напоминает о прошлом...

Игорь дошёл до переулка, нырнув в который можно было сразу оказаться перед домом Тамары, обычно он провожал её именно до этого места. Напротив рос тополь, а на втором этаже соседнего дома играла музыка. Не всегда, но очень часто. Хорошая музыка играла, в общем-то. И было приятно стоять ещё какое-то время с Томкой в тени этого тополя под эту музыку. Стоять и неловко целоваться. Насчёт поцелуев сейчас, правда, Игорь усомнился. Не нафантазировал ли он? Всё-таки времена были не те, что сейчас. Пятнадцать лет тогда – это было маловато для открытого проявления чувств. Но нет, целовал он её, точно, Игорь помнил. По крайней мере, в щёчку... По крайней мере, один раз.

Интересно, где сейчас эта девочка с двумя хвостиками, что с ней стало? На сей счёт у него не было ни малейшего представления. Их пути разошлись, как расходятся пути многих людей, и никакой волшебной ищейке не отыскать следов...

Может быть, она даже по-прежнему живёт в своём старом доме. Не исключено, среди детворы, что бредёт сейчас с портфелями со школы на том конце улицы, есть и её дети. Возможно, из этого переулка несколько часов назад Тома вышла, отправляясь на автобусную остановку... Кстати, отдельный вопрос, узнал бы он её или нет?

Тамара здесь, она живёт нормальной жизнью, и у неё всё хорошо.

Почему-то сердце сразу отвергло этот вариант. Нет, с ней всё вполне могло быть хорошо, но не здесь. Не здесь, это точно.

Тополя больше нет, и музыка не играет...

Интересно, а что было бы, если вдруг... ну, вот вдруг... звёзды расположились бы так, что они навсегда связали бы свою жизнь? Конечно, это невозможно, миллион причин, почему это невозможно, да и вообще если вдуматься... Как звёзды могут расположиться иначе? Они же там, в космической бездне, всегда на одних и тех же местах. Это планеты Солнечной системы могут появляться то в одном, то в другом месте, а звёзды нет. Но так говорят...

И вот если бы звёзды всё-таки смогли расположиться иначе и Игорь с Томой были бы вместе... Как это выглядело бы?

А впрочем, он знал как.

Иногда ему попадались пары, даже живущие по соседству, в его подъезде, на его лестничной площадке – не старые вовсе, но такие... тихие, неприметные, бесцветные. Они вели затворнический образ жизни... В их жилищах не собирались шумные компании, они не утомляли соседей бесконечными ремонтами, они не ссорились ни с окружающими, ни между собой, даже телевизор или звонок телефона никогда на их территории не звучал громко. Про них никто ничего не знал, и они не стремились узнать что-то о других. Они уходили на работу и возвращались... незаметно. Не напоминая о себе до такой степени, что начинаешь думать, а живёт ли вообще кто в той квартире?

Вот такая была бы жизнь, и не нужно спрашивать, откуда всё это взялось. Игорь и сам не знал.

Он продолжил путь по Завокзальному району и чуть дальше, на пересечении двух узких улиц увидел старую телефонную будку. Она сразу привлекла его внимание, можно сказать, очаровала. Это было как привет из прошлого – массивная красно-жёлтая железная конструкция с закруглёнными по углам окнами, исписанная, исцарапанная, с одним лишь живым стеклом, с полочкой внутри и пыльным толстым проводом над крышей, уходящим куда-то наверх. Из других районов такие штуки уже давным-давно исчезли, вместо них появились прикреплённые к стенам пластиковые козырьки, а тут перед глазами было напоминание о днях минувших, экспонат родом из того времени, что и автоматы по продаже газировки, что и... девочка Тамара. Сам телефонный аппарат тоже был старый: присутствовали кругляшок номеронабирателя, табличка с запомнившимися на всю жизнь «01», «02», «03», «04», вот только вместо щели для памятных «двушек» Игорь разглядел прорезь для карточки.

Карточка у Игоря была...

Тяжёлая дверь устало скрипнула и неохотно пустила посетителя внутрь. Не особо надеясь, что ему повезёт, Игорь снял с рычага чёрную трубку и приложил к уху.

Гудок был. Значит...

Маленькая записная книжка, старая и потрёпанная. Он не представлял, что она понадобится, просто нашарил в верхнем ящике стола утром и сунул в карман. На всякий случай. Ну, вот... случай представился.

Игорь стал ворошить прошлое. В прямом и переносном смысле. Записная книжка легла на полочку, на её страницах древними иероглифами застыли номера телефонов забытых друзей детства, одноклассников, однокурсников, родственников. Игорь вздохнул и начал по алфавиту.

Он набрал первый номер, второй, третий, десятый... Ему никто не мешал: времена, когда уличные таксофоны были весьма востребованы, давно миновали. Но...

Ему снова не везло.

Телефоны молчали, или огрызались автоответчиком, где приглашали оставить послание незнакомые голоса, или сообщали, мол, такой-то или такая-то здесь больше не живёт, где искать, не знаем. В одном месте поинтересовались, кто спрашивает и что передать. Ещё в одном... его захотели увидеть.

Этот сюрприз преподнесла ему одна из подруг юности по имени Катя.

Как же он был рад этой малости, знакомому голосу, простым словам:

– Я собираюсь через полчаса погулять с дочкой у нас в парке. Приезжай.

8. Пусть сдохнут те, кто нас не захотел...

В автобусе Игорь сел у окна. Свободные места были ещё несколько остановок, потом люди заполнили салон, и осталось всего одно сидячее место – рядом с ним. Игорь не сразу понял, что что-то не так, даже предложил присаживаться молодой девушке с каким-то объёмным свёртком. Но девушка вежливо, не глядя в глаза, отказалась. Игорь посмотрел, не испачкано ли сиденье, потом понял, что дело вовсе не в сиденье. Дело в другом. Кого они видят в нём? Бомжа? Маньяка? Наркомана? Но почему? Почему?!

В обманчивом комфорте и подавленном настроении он проехал ещё две остановки и вышел. Обернувшись в дверях, он увидел, что девушка со свёртком уже уселась на его место у окна, а рядом с ней оказался мужик в красной кепке.

Холодная пустота зашевелилась под рёбрами.

Но всё-таки в тёмном царстве сиял луч света, не всё было потеряно, и Игорь, как мог, цеплялся за эту мысль. Не всем он безразличен, не все его избегают. Катя захотела с ним встретиться. И это ведь здорово! Он испытывал когда-то к Кате сильные чувства, и какая-то теплота осталась, несмотря ни на что. Он даже начал всерьёз думать, не купить ли ей цветы по случаю встречи, но... не купил. Во-первых, для этого нужно было сделать изрядный крюк, а Игорь не желал опаздывать. Во-вторых, у Кати имелся муж и ставить её в неловкое положение перед ним не хотелось. Он просто заторопился по тенистой улице к обозначенному месту.

Катя была девушкой из «до-Настиного» периода, из такого периода, который... ну, в общем, располагался посередине...

Вот если взять какого-нибудь среднестатистического парня, то его отношения с девушками подвержены неким закономерностям. Они похожи на... в общем, на такой процесс, в начальной точке которого – первая любовь, в конечной – брак. А между – поиск, простор выбора, иногда игра, чувства и всё такое. Короче, жизнь.

Нет, конечно, есть и такие, кто вступает в брак, едва это позволяет законодательство, есть убеждённые холостяки, есть ловеласы, которые вообще не представляют себе постоянных отношений. Но это крайности. А где-то между крайностями все остальные. В течение юности они находятся в поиске, встречаются с одной, с другой, третьей, потом на какой-то девушке что-то переключивается и возникает мысль: «А вот теперь можно и жениться, пожалуй». И парень такой становится мужем (ну, или его делает мужем его друга). Может быть, лишь на время, бывает, что и навсегда. Не суть.

Так вот, между двумя этими точками с мужчиной происходят две вещи. Во-первых, перестаёт играть первостепенную важность внешность девушки, приходит понимание, что

не красота главное, а то, что внутри. Во-вторых, возникает желание начать жить вместе. Не встречаться, а именно жить.

Катя была девушкой, на которой проявились обе эти вышеозначенные вещи. Она не была красавицей, и, встречаясь с ней, Игорь впервые задумался о быте и семье.

И о ребёнке.

Ему было тогда двадцать два.

Катя хотела семью. Она знала... Знала своим каким-то женским чутьём, которое не понимают и не принимают мужчины, что её цветение будет коротким. Она любила сильно, безоглядно, порой навязчиво. Но ещё и хотела обязательств...

Игорь не мог так. Не был к этому готов. Испугался. Не захотел...

Через какое-то время Катя нашла себе мужа. Игорь ничего про этого человека не знал, даже имени. Просто однажды они встретились на стоянке торгового центра. На её руке было обручальное кольцо, за спиной грузил покупки в старенькую иномарку деревенского вида усатый парень, а под платьем у неё было округлившееся пузико. Они улыбнулись друг другу, сказали классическое «Привет-Как-дела» и разошлись как в море корабли.

Игорь на миг замедлил ход перед стендом, где были расклеены афиши и объявления. Почти залепленная более свежими листовками, с краю белела афиша городского театра, и в заголовке стояло «Ре... МАЙ». Клок отсутствовал, но и так всё было ясно: «Репертуар на МАЙ».

Старая афиша отчего-то так кольнула сердце...

И вспомнилась лавочка под этим самым городским театром, афишная тумба, солнце, Катька и... И май, конечно же. Волшебный, пахнущий сиренью, май.

Да... Сирень, аромат её волос, запах кожи... Вкус и мягкость губ, теплота нагретой солнцем джинсовки... Полный желаний взгляд... Глаза бездонные, подсвеченные изнутри... Не объяснить, как сходят с ума, как теряются во времени и как та, что рядом, становится самой прекрасной девушкой на свете и плевать на какие-то там внешние недостатки. Не объяснить. Так, чтобы стало понятно, не объяснить...

– Ну, как у тебя дела?

– Отлично. Я всем довольна. Мы с Мишкой купили квартиру, сейчас заканчиваем ремонт. Он хотел машину сменить, но решили – сначала ремонт, а потом возьмём что-нибудь новое в кредит. Ты как считаешь: немца лучше или японца?

– Даже не знаю...

– Мне очень «Мерседесы» нравятся, но... До этого долго, тут ещё одно событие назревает. – Она погладила себя по животу, и только сейчас Игорь обратил внимание, что это не просто полнота. Катя была беременна.

– Не заметно? Третий месяц идёт... У тебя-то самого есть дети? Нет? О, знаешь, Игорёк, какое это счастье?! Моя Ксюшка такая прелесть. Теперь я вот о сыне мечтаю... А ты что же?

– Я развёлся два года назад...

– И детей не было? Что же это за семья-то, когда малыш по дому не бегает... Нужно менять свою жизнь. Испытать родительские чувства – это важно...

– Так вышло, – задумчиво отозвался Игорь. Он очень не любил, когда ему начинали давать советы, когда убеждали в том, что он должен что-то изменить в жизни. Пойти в спортзал, сменить работу, найти невесту, стать отцом. Тем более если всё это изливалось из уст малознакомого человека, в начале общения. Должен, должен... Кому и зачем? Ну почему нельзя просто принять всё как есть и обойтись без наставлений и советов?

– Ребёнок скрепляет семью, – поучительно провозгласила Катя, и Игорю стало совсем скучно. Знал он женщин, весь мир которых после рождения ребёнка сужался до размеров этого крохотного существа. Для ребёнка при адекватной матери это было замечательно, а вот для неё самой и остальных...

– Ребёнок усложняет развод, – как-то произвольно и, по сути, беззлобно огрызнулся Игорь.

Катя пристально посмотрела на него. Посмотрела как-то по-особому... Ему стало неуютно под этим взглядом. И ещё более неуютно ему стало от её вопроса:

– Ты не жалеешь, что мы не вместе?

Что он мог ответить? Из вежливости к единственному человеку, согласившемуся на встречу, сказать «иногда»? Или честно-откровенно выпалить: «Никогда про это не думал»? Или уклониться от ответа? Или театрально соврать? Жалеешь... Да он и сам не знал. С одной стороны – чего тут жалеть? Банальная семейная жизнь. Постоянная забота о детях, весь мир вращается вокруг них, и нет больше ничего из того, что составляло образ человека раньше. С другой – а что у него есть сейчас, ради чего следовало бы жить? Сейчас, а в особенности сегодня.

В общем, он не солгал. Его ответ был: «Не знаю».

Маленький скверик меж двух расходящихся под острым углом улиц заманил его видом вечернего города и умиротворяющим шелестом деревьев. Игорь плюхнулся на единственную покосившуюся лавочку и задрал голову ввысь, где покачивались на ветру ветки клёна и между трепещущих пятипалых листьев проглядывало голубое с закатной розовинкой небо. Лёгкий сентябрьский ветерок, не жаркий и не холодный, взъерошил ему волосы, побежал по шее. Будто живое существо прикоснулось, обняло, пытаясь успокоить. Но не так-то просто было сегодня успокоить Игоря Астахова.

Разговор с Катей всё ещё крутился в голове. Она... Она встретила с ним лишь затем, чтобы уколоть, чтобы ему было завидно, чтобы он пожалел, что не выбрал тогда её – такую замечательную хозяйку, заботливую мать, мудрую женщину, знающую, как сделать мужчину счастливым. Не выбрал... И про то, что он с Настей развёлся... Да, знала она об этом, всё-таки имелись какие-то общие знакомые, а за два года слухи до кого угодно докатятся! Женская месть... Ну, может, не месть, но что-то в этом роде.

«Пусть плачут те, кому мы не достались, и сдохнут те, кто нас не захотел!»

Великолепно!

Он представил, как жила она, Катя, и думала, что вот, мол, всё равно придёт тот день, позвонит Игорь или встретится ей на улице и уж она расскажет, как у неё всё здорово сложилось, какая она молодец и какой же дурак этот Астахов, что не разглядел, не оценил такое сокровище. Дождалась. Рассказала. И для неё этот день – долгожданный и удачный. А для него – последний гвоздь в крышку гроба.

Игорь больше не хотел ни о чём думать. Он поднялся с лавочки и зашагал туда, где пять минут назад заметил открытый бар.

9. Намёк на тайну

– Смотри, наш товарищ!

Игорь услышал эту реплику, брошенную в его адрес одним из алкашей, что пристроились за кругом света кафе, на парапете. Услышал, но понял её по-своему. В рюмке его была водка, вот и «наш товарищ».

– Да не, ещё не наш. У него ещё есть шанс. Последний.

– Та! Если ты сразу не разобрался, что и как, то уже всё.

– Жорик, не суди людей по себе. Я до последнего... искал...

– И чего? Помогло? Когда уже чувствуешь запаздывание... Позняк метаться!

Игорь среагировал на знакомое специфическое слово – «запаздывание». Оглянулся и посмотрел на них. Два мужика. Не сказать что старые, не сказать что бродяги. Один повыше, с усамы, в мятых штанах и заношенной куртке. Второй – с кучерявой, давно невытой шевелюрой и недельной небритостью, в растянутом свитере и затёртых джинсах. Не стесняясь, они пили водку из пластмассовых стаканчиков и закусывали варёной колбасой с хлебом. В кафе, видимо, была куплена только водка да, может ещё, сигареты, дешёвые и вонючие.

Игорь находился в таком состоянии, что стесняться и брезговать не приходилось. Он тут же подошёл, вернее, даже подлетел к выпивохам.

– Это... хм-м... – он не знал, как выразить свою мысль, мужики спокойно и грустно взирали на его попытки высказаться, – ну... скажите, что вы про меня говорили?

– Ничего не говорили, – сказал тот, что повыше. – Вам показалось.

– Пожалуйста, объясните, – Игорь понимал, что выглядит глупо и говорит ерунду, но отступить было поздно, – объясните хоть что-нибудь.

– Не понимаю, о чём он. – Усатый посмотрел на собутыльника. – Федюнчик, а ты?

– Да ладно, Жорик, вишь, парень мучается.

– Ну, так, а я что могу сделать? – Он покрутил в руках полупустую бутылку и сказал тихо, не поднимая глаз: – Все мы мучаемся, а потом привыкаем.

Игорь расценил жест Жорика как своеобразную торговлю.

– Ребята, выпивка с меня сколько надо.

– Выпивка, – мечтательно протянул Федюнчик, но кореш его обрезал:

– Да при чём тут это, – он поставил бутылку на парапет, – мы действительно ничем тебе не поможем. Ты должен сам понять... найти...

– Что?! Ну, скажите! Что?

– Ну... Что-то... Что-то, что ты должен был догадаться сделать и не сделал, забыл.

– А что именно?

– Откуда нам знать. У каждого это своё. Своя... миссия. О!

– И если я это найду, всё будет как раньше? Ко мне вернутся друзья, меня будут замечать?

Жорик ухмыльнулся:

– И это тоже. И ещё много чего. Наверное. Мы не знаем.

– Не знаете?

– Ага. У нас ведь не получилось... найти.

Игорь осознал, что вот сейчас уж точно «без поллитры не разберёшь».

– Ребят, подождите меня, ладно?!

Он почти побежал к стойке, где сделал бармену заказ на бутылку водки, какую-то закуску, бутерброды, сок. Всё это оформлялось долго, он нервно поглядывал в ту сторону, где остались эти странные люди, знающие явно больше, чем говорящие (о, у Игоря к ним было огромное количество вопросов!). К сожалению, он находился в пятне яркого света, а те двое – за его пределами, в темноте, и их не было видно.

Наконец, на поднос водрузили всё заказанное. Игорь вспомнил про сигареты, купил две пачки нормальных, по его мнению. Потом, лавируя между стульев, направился к тому месту, где сидел. Он уже приготовился позвать этих ребят за свой столик, по-нормальному посидеть и поговорить про всякие странные события и вещи, но обнаружил, что парапет пуст. Сердце похолодело. Игорь завертел головой, вглядываясь в посетителей, затем перемахнул стеночку и оказался на улице. Ещё раз огляделся.

Их не было. Лишь тлеющий бычок на асфальте да колбасные очистки доказывали, что пятиминутной давности разговор ему не почудился.

Игорь понуро побрёл обратно в кафе, опустил на стул за свой столик и опрокинул в себя первую порцию водки.

Таксист был одним из немногих людей, кто повёл себя с Игорем не как с прокажённым, а как с нормальным человеком. Нормальным пьяным человеком, если быть точнее. Таксист был приветлив и разговорчив. О чём вёлся разговор по дороге, было не вспомнить, зато Игорь пребывал в уверенности, что таксист – славный малый и заслужил хорошие чаевые.

Игорь ехал домой. Уходя из дома утром, он не исключал вероятности, что день затянется, что его накроет волной каких-нибудь приключений, он был готов к этому и морально, и финансово... Эта готовность проявилась даже в одежде. Но... такого окончания дня он не ожидал совершенно. Почти час Игорь провёл в одиночестве в кафе, иногда в пустой надежде делая прогулку к парапету и... возвращаясь. Он стал свидетелем зарождающейся драки и съёма девиц лёгкого поведения, рядом веселились весьма шумные компании, но... его никто не тронул, не прицепился, с ним никто даже не заговорил. Он пил и ел то, что заказал для тех двух мужиков – не из жадности, а просто так. А потом встал из-за столика, совсем чуть-чуть прошёл по бульвару, ощущая ватность в ногах и тяжесть в голове, и... взял такси.

За окном жил своей жизнью вечерний город, совсем не похожий на тот, который Игорь наблюдал позавчера с балкона. Теперь это был взгляд изнутри. Мимо проплывали подсвеченные витрины магазинов, рестораны, бары, просто дома. В магазинах что-то покупали люди, в клубах и ресторанах они отдыхали, общались, возможно большими компаниями, и все были друг другу рады. И счастливы. Ну... так казалось.

Некоторые были счастливы особенно, потому как успели что-то такое найти...

Попав домой, Игорь, кое-как раздевшись, обессиленно рухнул на кровать, но едва его тело опустилось на матрас, а глаза закрылись, откуда-то появились характерные «вертолёты», его начало крутить, и он понял, что только действием сможет переломить своё состояние. Действие нашлось самое простое и самое важное. Игорь, сконцентрировавшись, выполз из постели и начал искать. Он не знал, что ищет. Он совершенно не был уверен, что узнает это самое нечто, когда оно окажется в его руках, но продолжал искать, хотя уже через несколько минут процесс этот напоминал погром. Он раскидал все свои зимние вещи в шкафу, перерыл содержимое письменного стола, потом его понесло шариться в древний хлам на антресолях. Мимоходом он снёс стопку старых газет с полки, усеяв пол в прихожей раритетной печатной

продукцией. Выругался, но не задержался. На балконе разыскал гантели и сломанный кассетник. Затем, чихая от пыли, стащил за чем-то со шкафа коробку с ёлочными игрушками, в последний раз вскрываемую ещё вместе с Настей. Всё это сопровождалось какими-то бессвязными речами, перемежаемыми руганью и нытьём. Со стороны пугающая и отталкивающая картинка.

Около часа ночи он выдохся и, наконец, свалился в кровать. Сон его был беспокойным и дёрганым. Ему казалось, что в комнате жарко и душно. Игорь несколько раз на мгновение просыпался от каких-то видений и снова проваливался в зыбкую топь беспомощности. Лишь к рассвету, когда с улицы в квартиру полилась свежая и бодрящая сентябрьская прохлада, ему стало лучше, он встал, посетил туалет, жадно выпил кружку воды и снова лёг, на этот раз задремав легко и быстро.

Ему приснился яркий, цветной сон, удивительный и странный, как большинство снов.

Он шёл по тропинке какого-то заброшенного сада, а может не очень густого леса. Над головой пылал багровым заревом закат, а чуть в стороне, на бледно-голубой скатерти неба висела белая таблетка луны.

Тропинка петляла между кустов и деревьев, выходила на полянки, ныряла в овраги и снова ползла на холмы.

И постоянно разветвлялась.

Куда приводили многочисленные повороты-ответвления, Игорь выяснил очень скоро. В весьма занятные места они приводили.

К кроватям.

К постелям.

Придумать такое наяву мог, наверное, не совсем здоровый рассудок, повернутый на символизме или чём-то похожем. Во сне же... А, чего только не бывает во сне?! Вот одна из дорожек кончилась у широкой двуспальной кровати, расстеленной и приглашающей прилечь. Но данным предметом мебели дело не ограничивалось. На земле у кровати был разостлан мягкий ворсистый коврик, в метре от него из травы выглядывал носок брошенной тапки. У изголовья, под торшером, располагалась тумбочка, на ней лежала раскрытая книга. С противоположной стороны на точно такой же тумбочке стояли несколько тюбиков с кремами. Игорь покружил вокруг лесной постели, потрогал отогнутый край одеяла, прочёл название на книге, дёрнул шнурок торшера. Торшер неожиданно зажгётся, мягкий свет упал на подушку и очертил вокруг кустов длинные тени, огораживая домашний оазис от остального мира. Это было так необычно! Чуть боязно и... маняще. Игорю захотелось прилечь и полистать книгу, пока не придёт та, что пользуется лежащими на тумбочке кремами.

В том, что она вот-вот придёт, сомнений почему-то не было.

Но Игорь отправился дальше.

Следующее встреченное им ложе было попроще. Какая-то старая софа, укрытая смятым покрывалом и разбросанными по краям подушками. Торшера и тумбочек здесь не наблюдалось, зато имелся стул. На стуле возвышался перекошенный курган из одежды, на вершине которого красовался бюстгальтер как минимум четвёртого размера. От этого ложе пахло страстью, и сердце Игоря застучало сильнее. Простенькая софа притягивала как магнит, хотелось нарастить курган на стуле за счёт своей одежды и прыгнуть с разгона на покрывало. Рухнуть на спину, раскинув руки, наглядеться в синее небо с первыми

звёздами, а потом, лишь на мгновение прикрыв глаза, сразу ощутить сладкий пьянящий запах Её тела и вздрогнуть от прикосновения ноготков к обнажённой груди...

Но Игорь почему-то не остался, пошёл дальше.

Кровати, диваны, раскладушки, койки – все они были разные, но везде присутствовало одно и то же ощущение: всё это казалось родным. Даже странное сооружение с балдахином и подсвечниками, пахнущее восточными благовониями. Даже надувное ложе. Даже брошенный на землю матрас...

Всё было родным и живым. Можно было выбрать любое место, сбросить одежду и сомнения и остаться. И ещё присутствовало ощущение, что как только это сделаешь, к тебе придёт Она. У разных кроватей «Она» будет другая, но каждый раз не чужая.

Однако Игорь во сне так и не сделал свой выбор. Он шёл по тропе дальше, ожидая чего-то лучшего, особенного, не замечая, что заросли редуют, что кроватей становится меньше, что ещё немного – и их не станет вовсе.

Он шёл вперёд.

Когда деревья исчезли, Игорь понял, что видит там, вдалеке, легендарную Пустошь В Конце Тропы.

И после этого проснулся.

10. Найди то, не знаю что

Игорь сидел на полу среди разбросанных вчера в приступе гнева вещей и пытался рассуждать хоть немного логически. Получалось это плохо, болела голова, крутило в животе, да и вообще настроение было на нуле. Но если не взять себя в руки, решил он, то можно и вовсе распрощаться с... адекватным восприятием окружающего. То есть сойти с ума.

«Поэтому... Не спеша... Ещё раз. Что у нас есть?»

Меня забывают. Не в том плане, что забывают, кто я такой, а в смысле со мной не хотят общаться, видаться, находиться рядом. Меня игнорируют. Словно я подлец, предатель, изменник родины или же прокажённый бож. Я не болен. И психически тоже. В урода не превратился, и вроде с внешним видом у меня всё нормально. Тогда почему? За что? Неизвестно.

Я что-то сделал не так? Или наоборот? Я что-то такое не сделал. Что?! Бред какой-то! Всё это полный бред! – Его взгляд заскользил вокруг, задержался на телефоне. За весь отпуск телефон почти не звонил. – Значит, не бред. Ладно! Пусть сегодня будут самые фантастические предположения. Я не совершил какого-то мистического священнодействия. Ага, типа того. Что мы ещё знаем? Это что-то, если я хочу изменить свою жизнь, нужно делать срочно, времени у меня практически нет. Оговорённый срок? Нет его, срока. Вернее, он неизвестен. Что будет, если я не успею? Видимо, деградация личности, и один чёрт знает почему! Как это всё будет происходить? Как будет ощущаться час икс? Спросите что-нибудь полегче! Возвращаемся к главному – что мне нужно сделать? То, что я должен был сделать и забыл. Мда... Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что! Вот же ребус! Терпеть не могу ребусы и головоломки! Обозначить хотя бы чётко оговорённые условия. Так нет же! Вариантов – уйма! Важные, неважные... Фантастические, обыденные... Не покрестился? Нет, крещён ещё в младенчестве, традиционно. Исповедаться, причаститься, чего там ещё... А смысл? Не посадил дерево, не построил дом, не родил сына. Ну... Только с деревом ещё можно успеть... Какую-то книгу не прочёл? С кем-то забыл встретиться? Родителям в каком-то деле не помог? Кого-то обидел

и нужно извиниться? С Настей что-то так и не порешал? Или я должен сделать открытие своей жизни, что-то почувствовать? Что именно? В каком месте?»

Да это как иголку в стогу сена искать! Нет, ещё труднее! Он в сотый раз пожалел, что дал уйти тем мужикам. Они хоть что-то могли сказать...

Может, есть кто-то ещё, кто знает. Но как найти этих людей? Все же морды воротят. Прям теория заговора какая-то...

«Так... Подумать... А кто не избегал меня?» Первой мыслью было: «Все избегали!» – но на самом деле были исключения. Катя и Руслан (был ещё вроде таксист, но Игорь мало что запомнил с той поездки). Те, кого сам Игорь с удовольствием обошёл бы десятой дорогой. Но... Руслан сказал что-то такое... Он говорил про эту свою «планку» и... засомневался, что такая «планка» довлеет над Игорем. Или это только показалось... Звонить Казаченко для уточнения не хотелось до ломоты в руках. Что осмысленного мог сказать этот наркоман?!

Но всё-таки... Есть в Игоре что-то, отличающее его от остальных. Может, в каком-то своём пограничном состоянии Рус почувствовал это?

Значит, искать. Искать! Но что?

Голова, и без того тяжёлая от вчерашней далеко не лучшей водки, пошла кругом. Ответ должен быть прост! У всех головоломок, как правило, очень простой ответ. Ты узнаёшь его и хлопаешь себя по лбу: «Точно! Ну как же я не догадался раньше!» Игорь встал и начал ходить по комнате. «Ну, допустим, я потерял какую-то... вещь. Да, вещь. Неодушевлённый материальный предмет. Я её, эту вещь, ищу. Да, в квартире. Если рассматривать как зону поиска весь город, можно однозначно свихнуться. Вот и будем искать тут».

Он начал со шкафа в коридоре, в котором хранился всякий мужской хлам: гвозди, свёрла, дрель, запасная розетка, электрические пробки, удлинитель. Ничего из этих вещей не вызывало подозрений относительно их причастности к тайне, так же как и заношенная обувь под нижней полкой. В глубине антресолей, куда он не добрался вчера, его привлекли связки старых журналов, оставшиеся от прежних квартиросъёмщиков. Прочихавшись от пыли, Игорь перетащил их на светлое место, развязал верёвочки и неожиданно почти на час окупился в прошлое. В его юности тоже были все эти «Пионеры», «Юные техники», «Вокруг света» и «Техника-молодёжи». Не исключено, у родителей такие же связки лежат на точно таких же антресолях. Может быть, его тайна где-то там, среди пожелтевших страниц? Может быть... Но как её найти?

Думать, думать...

Нет, журналы – не то. Но очевидно, что разгадку следует искать в старых вещах. Ведь это, чем бы «это» ни являлось, нужно было сделать давно.

Действуя по этой логике, Игорь не стал искать в местах скопления продуктов и бытовой химии, а также трогать относительно недавно приобретённые телевизор и музыкальный центр.

Зато платяному шкафу и книжным полкам досталось по полной. И то и другое перетряхивалось со всем усердием, будто в квартире проводился самый настоящий обыск. Лишь один раз Игорь учинил нечто подобное: когда забыл, куда спрятал свою долларовую записку. Впрочем, тогда он чётко знал, что ищет, какие есть варианты, тут же...

С письменным столом, разбор которого был начат ещё вчера, он чуть не завис так же, как с журналами. Тут имелось немало предметов, за которые цеплялась память, и всё тянуло обдумать, прочувствовать, вспомнить. Неожиданно много напоминаний обнаружилось о прежней семейной жизни, хотя уже прошло столько времени... Но Игорь не позволил себе тратить время на пустые экскурсии в страну памяти. Решительно опрокинув содержимое

ящиков на пол, он провёл над ним четверть часа, подвёл неутешительный итог и отправился дальше. Тумбочка, комод и даже шкафчик с лекарствами подверглись аналогичному разгрому. Ни над одной вещью сердце не кольнуло, душа не вскрикнула, разум не посетила победная мысль: «Да вот же это!»

Часам к одиннадцати Игорь отошёл от похмельного синдрома и даже проголодался. Но голод был иллюзорным. Он кое-как запихнул в себя бутерброд и выпил полчашки крепкого кофе. Потом начал громить квартиру с большим усердием.

К полудню Игорь уже начал думать, что в квартире не осталось белых пятен. Он искал везде, но ничто из того, чего коснулись его руки, не подсказало разгадку тайны. Обессиленный, он привалился спиной к тумбочке и закрыл лицо ладонями. Требовались или намёк, или свежий взгляд. Неожиданно пришла мысль, что вчера он перебрал огромное количество знакомого народа, но забыл одного человека, с которым вместе проведено времени больше, чем с кем-либо.

Анастасия, конечно же. Бывшая жена.

Первая мысль была – он что-то ей задолжал. Следом пришла другая, похуже. Настя спровоцировала этот коллапс его жизни. Возможно, самым простым способом. Она взяла с собой ту вещь, которую Игорь сейчас разыскивает. Украла... Или прихватила по ошибке. Или знала...

Он подумал, насколько велики шансы, что Настя одна из этих... ну... которые посвящены в тайну? Она целеустрёмленная, деятельная, активный такой человек. И оставила его, когда Игорь начал превращаться в амёбу, в офисный планктон... Что из этого следует?

Игорь надул щёки и пожал плечами. Он не знал, какие из этого можно сделать выводы. Слишком много было вариантов.

Одно очевидно – терять нечего, Насте нужно позвонить.

– Надо же! Кого я слышу?!

– Привет, Настя, ты прости за беспокойство. У меня есть к тебе один вопрос.

– Вся во внимании.

– Такая штука... Я сейчас разыскиваю одну вещь... над которой давно нужно было... поработать... Понимаешь, о чём я?

– Не-а.

– Мне очень нужно найти эту штуку. От этого зависит моя жизнь.

– Чего-о?

Игорь закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Помоги мне, Настя. Я начал думать, что ты, переезжая... в конце... захватила её.

– Астахов, я не понимаю, что за чушь ты несёшь. О чём ты, скажи толком! Что за вещь?

– Ну... – Игорь некоторое время думал, рискнуть ли, и... рискнул. – На самом деле я сам не знаю, что это.

– Ты вообще нормальный?! Или ты напился? Чего тебе от меня надо?

– Да, это звучит глупо и странно. Но я пропадаю, Настя. У меня не осталось времени... Маленький шанс найти это. Мне нужно сделать то, что я должен был сделать и... ну, как-то не срослось... Забыл или ещё чего... Может быть, я тебе что-то обещал...

– Если и обещал, то всё в прошлом, мне от тебя ничего не нужно. Я никак не возьму в толк: это ты ищешь что-нибудь, чтобы ухватиться и не запить?

– Да нет. Хотя... – он припомнил вчерашний вечер в компании бутылки водки, – оно по-всякому теперь сложиться может. Ну, раз не тебе... Тогда просто нужен свежий взгляд на проблему. Взгляд со стороны. Что есть такого, чего я не сделал, не достиг.

– Ха, спроси лучше, чего ты достиг! Ведь у тебя были идеи, проекты, увлечения, правильно? Где они, где это всё?

– Настя, пожалуйста, не начинай снова...

– Ты же хотел совета? – Было слышно, как собеседница щёлкнула зажигалкой и затянулась сигаретой. – Получай. Если ты ищешь стимул к жизни... Жизнь после тридцати и всё такое... Смешно вообще, знаешь, но ладно... Выбери самое простое из того, что тебе нравилось в молодости и... Вперёд! Начни с этого. Вот...

– Самое простое? Что это – «самое простое»? Может, есть ещё мысли поконкретнее?

– Слушай, Астахов, ты, по-моему, просто паришь мне мозг.

– Да нет, Настя. Послушай...

– Знаешь что?! Иди к чёрту, Астахов! Сам разбирайся со своими вещами-невещами...

Трубка разразилась короткими гудками.

Игорь отложил телефон и блуждающим взглядом обвёл комнату. «Самое простое из того, что нравилось в молодости...» Нет, это не подсказка, это так... Как совет преодолеть небольшой личный кризис – возможно, но для ситуации, в которой оказался Игорь, это не подходит. А если всё-таки... Ну, что ещё делать?.. Его взгляд упал на старое семейное фото с родителями, стоявшее в традиционном для многих людей месте – в серванте. (Кстати, он искал по вазочкам в серванте? Искал...) Если всё-таки...

Ему показалось, что он что-то нащупал, невесомое, готовое раствориться...

Всё-таки... Всё-таки... Всё-таки...

Сейчас-сейчас... Нужно ухватиться, удержать, облечь в слова возникшее ощущение... разгадки? Нет, но ощущение правильного направления мысли. Уже кое-что.

Игорь сорвался с места и метнулся к тумбочке. Там, на второй полке лежали распиханные по пластиковым бочонкам фотоплёнки. Одна, две... пять... девять... двенадцать. Некоторые подписанные, большинство безымянные. Проявленные давным-давно, но почти все так и не отпечатанные.

Он всё собирался однажды выбрать лучшие кадры, прикупить несколько красивых фотоальбомов, заполнить их памятными прямоугольниками фотокарточек, но желание это никогда не переходило в активную фазу.

А что? А ведь похоже на ответ задачи?! То, что собирался сделать, но так и не сделал. То простое, чем нравилось заниматься в молодости, – тоже подходит. Фотографировать Игорь раньше очень любил, первую плёнку отщёлкал ещё в детстве и карточки печатал сам, в завешенной одеялом ванной комнате в мистическом свете красного фонаря.

А как он на самом деле завидовал работам Порфирыча!..

Плёнки, плёнки...

Сердце забило часто-часто. На миг бросило в пот, следом холодок пробежался по позвоночнику. Неужели это и есть ответ?

Игорь достал одну, размотал, глянул на просвет. Поход в горы. Большая компания. Красивые места. Он сам с какой-то девушкой, не рассмотреть. Настя? Нет, этой плёнке лет семь, если не больше.

Вторая. Дядя Витя и его дочка Ленка, совсем маленькая. Где же это? Кто к кому в гости ездил?

Третья. Новый год. В общаге, что ли? Множество лиц. Не вспомнишь так сразу, не разберёшь.

Нужно печатать. Нужно смотреть. Обязательно.

Ответ, наверняка, не сами плёнки, а фотографии. Или то, что на них. Это – ключ. Поэтому...

Он поспешно разыскал на кухне чистый пакет, сложил туда серые и чёрные цилиндрики и побежал к шкафу одеваться.

11. Миссия

Плёнок было так много, что ему пришлось заказывать печать в двух местах, чтобы не ждать следующего дня. Даже с полагающимися оптовыми скидками за всё набежала приличная сумма. Игорь даже засомневался, хватит ли ему наличности. Впрочем, хватило. В одном месте ему пообещали выполнить заказ к трём часам дня, во втором – в четыре. До этого времени нужно было себя чем-то занять. Он по инерции вернулся к дому, но вдруг почувствовал, что подниматься вверх, в квартиру, где царит полный разгром, где так явственно ощущается запах безысходности и тень убегающего времени, решительно не хочется. Там его точно охватят сомнения в том, что фотографии – это ключ к загадке, снова вернётся злость и депрессия. Нет, уж лучше прогуляться, отвлечься, не дать себе усомниться.

Под подъездом на лавочке спиной к дорожке сидел соседский мальчишка лет одиннадцати. Сидел и задумчиво смотрел на начинающийся от его ног газончик. Единственным достойным внимания объектом на этом клочке земли являлся розовый куст, увенчанный несколькими крупными бутонами. Игорь вспомнил, что точно так же парнишка сидел и вчера утром, когда Игорь отправлялся на поиски старых друзей и новых приключений. Вчера, окрылённый и преисполненный оптимизма, он выскочил на улицу и пробежал мимо, даже не задумавшись, чем так занят его сосед по подъезду и почему он не в школе. Впрочем, причину последнего можно было объяснить гипсом на правой руке.

Игорь присел с противоположного края на лавочку, мучительно пытаясь вспомнить, как зовут парня. Такой информации в голове, увы, не водилось. Тогда он сказал просто, стараясь изобразить голосом максимум дружелюбия и хорошего настроения:

– Привет, дружок. Что с твоей рукой?

Ответная реакция поразила Игоря до глубины души. Мальчишка, не говоря ни слова, поднялся со скамейки и, не оборачиваясь, пошёл к подъезду. Это было уже слишком! Ошеломлённый Игорь хотел окликнуть его и рассказать кое-что про вежливость и уважение к старшим, но вдруг заметил тонкие проводки наушников, ведущие к ушным раковинам.

Мда... Бесполезно. От него шугаются даже дети!

Мальчишка скрылся за дверью подъезда. Игорь вздохнул, посидел с минутку и тоже поднялся. Побрёл на автомате со двора и дальше... Побрёл, что называется, куда глаза глядят, но вскоре опомнился, так как лишённое контроля тело повлекло его самым привычным рабочим маршрутом к остановке автобуса. Нет, это не годилось. Игорь вздохнул, развернулся и пошёл в парк.

Он побродил немного аллеями меж ёлочек, акаций и каштанов, получил ещё одно расстройство оттого, что его не узнал прогуливающийся там старый учитель математики Пётр Валерьяныч. Впрочем, старик не замечал его и раньше. Возможно, он не замечал и не помнил никого из своих бывших учеников.

В парке он бродил недолго. Шумный проспект, где в фотостудии сейчас зрело его спасение, а может и разочарование, притягивал магнитом. Игорь нащупал в кармане две квитанции и, тоскливо вздохнув, зашагал туда.

В половине пятого он уже разложил все фото по дому. Было их почти четыре сотни. Сначала он стал просто просматривать их одну за другой в пачке, но потом показалось, что правильнее сделать по-другому. И он разложил отпечатанные фотографии по всем горизонтальным плоскостям спальни. Стол, диван, пол, какие-то коробки, в которых он утром рылся и бросил... Отовсюду на него смотрели знакомые и позабытые лица. И Игорь тоже смотрел на них.

Сколько же их! Поразительно, как много людей встретил он за свою жизнь. Сколько девушек, с которыми что-то было... начиная с мимолётного флирта и заканчивая годами семейной жизни. Игорь вспомнил сон про кровати и попытался прикинуть примерное число своих влюблённостей. При том, что в этом плане он считал себя самым что ни на есть среднестатистическим мужчиной... выходило под два десятка. От этой цифры у него даже слегка округлились глаза, но, подумав о сроке, за который вёлся отсчёт, он расслабился. Пятнадцать лет – немалый срок. Но эта цифра отозвалась уже по-другому. Жизнь пролетает. Неустроенная, без счастья, без любимого дела, без близкого человека, без наследников... Хотя... что он может оставить в наследство?

Запаздывание... Чего юлить, оно ведь уже подобралось к стадии необратимости. В это не хочется верить, но вот он, его последний шанс – разбросанные вокруг фото. Ну, фото... И что?

Люди, люди, люди... Если представить жизнь каждого из нас пёстрой лентой, то какой бы мог получиться узор из переплетений и взаимопроникновений, пересечений и скрещиваний...

Он опустился на диван, уставившись в потолок. Протянул руку, взял фотку наугад. Улыбающиеся лица на вокзале. Встреча? Расставание? Положил, зацепил следующую.

Шашлык на озере. Компания, усевшаяся вокруг костра. Красное полотнище с намалёванной белой надписью: «Мир! Труд! Май!».

Вечер встреч выпускников на юбилей школы. Самая многочисленная встреча за все годы. Коллективное фото на фоне исчёрканной мелом доски. При виде «Дано» и «Найти» как-то по-особому кольнуло сердце...

А вот ещё одна. Из старых. Игорь прекрасно помнил её, последнюю чёрно-белую плёнку, которую он сам отпечатал при помощи фотоувеличителя и ванночек с реактивами в зашторенной ванной комнате. Пять девчонок и два пацана прогуливали пары на втором курсе. Что интересно, с этой плёнки не было ни одного кадра брака, все фотки вышли классные и всем понравились. Наверное, поэтому все и пришлось раздать. Себе ничего не осталось.

Агата... Надо же! Карточка с его первой машиной, которую он очень любил, которой дал это имя – Агата – и с которой пришлось расстаться. Расстаться, потому что у Агаты назрели проблемы и с мотором, и по кузову, потому что заниматься ремонтом было негде, некогда, да и накладно, а сосед предложил неплохой альтернативный вариант... Да, в общем, много тогда нашлось причин, оправдывающих нежелание восстанавливать старый автомобиль, оправдывающих... предательство. Где ты теперь, малышка, на какой свалке?

Сдача диплома. Морской круиз. Новый год на работе. Настя...

Так прошло более получаса. Он брал снимок, смотрел на него, вздыхал, клал обратно, следом тянул новый.

На какой-то миг он почувствовал, что эти карточки «10 на 15», разбросанные по дивану, столу, лежащие на ковре... Всё это давит на него. Игорь ощутил себя похороненным под пластами истории. Он тонул в воспоминаниях, погружался на дно, в сумрак минувших дней. Но, вопреки ожиданиям, это было не страшно. Уже не страшно.

Игорь понял, что ошибся, не угадал, выбрал не то. Шанс упущен. Значит, его забудут. Значит, дальше – лишь одиночество и пустота. Можно прощаться.

Игорь обвёл безвольным взглядом разложенные повсюду фотографии, пытаясь ухватить сразу множество лиц. Помахал им рукой.

Прощайте, люди! Можете с чистой совестью забыть про Игоря Астахова. Вычёркивайте из памяти! Считайте, этого человека больше нет.

Возникло желание поднять поминальный бокал и всплакнуть под печальную музыку. Да, именно! Оставаться в тишине становилось невыносимо. Захотелось заполнить звенящий вакуум квартиры чем-то особенным, близким его душе и его времени. Музыкальный центр был отвергнут. Игорь бросил взгляд на вытасченный вчера с балкона кассетник. Магнитофон уже ничего не писал, у него не работало радио, но звук... Звук он ещё мог сносно извлечь из магнитной ленты, и Игорь понял, что ему необходима именно такая музыка. Свою коллекцию кассет он, поддавшись импульсу, подарил одному приятелю, у которого в машине ещё сохранилась кассетная магнитола, подарил уже давно. Но неужели он отдал всё? Нет, по крайней мере, одну какую-то кассету он видел буквально сегодня, копаясь в хламе. Лежала она...

Где же она лежала? В каком-то неожиданном таком месте... Та-а-ак... Где? А, ну да, в старой коричневой папке! Игорь неторопливо, ибо торопиться было, по его мнению, уже бессмысленно, разыскал среди вещей эту самую папку, с которой одно время, давным-давно, ходил в институт. Утром он уже заглядывал в неё, там лежали какие-то вещи, не заинтересовавшие его, причём, какие именно вещи, Игорь даже не запомнил. Сейчас это можно было исправить.

Кассета в подкассетнике без вкладыша, потрёпанная колода карт, синяя общая тетрадь с простой и лаконичной надписью: «ВОЙНА» на обложке и отдельно листик из этой тетради с незаконченной пулькой – таково было содержимое папки. Ничего необычного, удивительно лишь, что папка в нетронutom виде пережила три квартирных переезда, не потерялась, не была выброшена, не понадобилась для переноски или хранения каких-нибудь документов, а так и валялась... «ВОЙНА» означала конспект по дисциплинам военной кафедры. Эпизодические записи лекций, схемы, рисунки на полях, а на последней странице – настоящая картинная галерея, в центре которой в рамочке жизнеутверждающе красовалось: «ВОЙНА окончена! Наступил МИР!» И карты, кстати, были неотъемлемой частью «военки». Если могли, то сбегали с лекции сыграть в буру или расписать пульку. «Вот эту партию не закончили, – Игорь взял в руки расчерченный лист, – хотя я даже выигрывал».

Ему представился этот последний день. Финальное контрольное занятие, партия в преферанс в ожидании курсового офицера, ставящего оценки в зачётки. Игорь выигрывает, остаётся чуть-чуть до закрытия пули, но курсовой офицер приходит, всё барахло кидается в папку и... папка обнаруживается через много лет...

Вообще-то идеально подходит под условия загадки «найди то, не знаю что». Остаётся только спустя годы разыскать участников этой самой незаконченной игры в преферанс и доиграть... Красота!

Игорь вздохнул, столкнул с коленей конспект, накрывший рассыпавшуюся колоду, потянулся к кассете в прозрачной коробочке. Кассета вроде бы не входила в его прежнюю коллекцию. Чёрный корпус без наклеек, ленты на катушке – с полнормы. Отмотана на начало. Что на этой кассете, Игорь не представлял. Будет сюрприз. Игорь глянул на свет сквозь корпус, полузабытым жестом подкрутил ногтем размотавшуюся часть плёнки и скормил кассету магнитофону. Тот покапризничал кнопкой питания, которая держалась на спичке, похрипел, пока выставлялся уровень громкости, а потом заиграл. Да так, что Игорь Астахов замер на месте и через пару секунд сполз на пол, к своим разложенным фотографиям. Если точнее, он просто рухнул в них.

Музыка... Это же не просто музыка... Она... Вот тебе и сюрприз!

С первых аккордов Игорь понял... Нет, с первых аккордов он ещё ничего не успел понять, он мог только почувствовать. И он почувствовал.

Почувствовал, как мелодия вдруг заполняет всё пространство – и внешнее, квартиры, и внутреннее – пространство души, как она разливается, и накрывает его волной, и летит вдаль, за пределы стен, за границы привычных измерений.

Почувствовал, что на сердце стало вдруг легко. Растворились бесследно подавленность, напряжение, тоска. Грусть осталась. Светлая и невесомая. Грусть оттого, что время летит, оттого, что за окном осень, оттого, что неизбежны расставания, оттого, что люди уходят и все прощанья – навсегда. Оттого, что жизнь такова, вот и всё.

Ещё почувствовал, что, несмотря ни на что, жизнь идёт и всегда есть место банальной и доброй мантре: «Всё будет хорошо!»

А вслед за эмоциями пришло понимание. Сначала какое-то бессознательное, а потом уже выраженное словами. Словами, которые можно проговорить ртом и исторгнуть в окружающий мир. Слова были элементарные, но они означали очень важные для него вещи.

Это – то самое!!!

Да, это – то, что он искал. Пролежавшая много лет в папке кассета – вот что было его сокровищем, его загадочным «найди то, не знаю что». Кассета, которую кто-то (знать бы ещё – кто?) дал ему в последний день военки (а может, в какой-то другой день) и которую нужно было прослушать ещё десять лет назад. Вот чёрт! Сделай он это тогда... Ведь вся жизнь могла сложиться иначе. Вся жизнь...

Он в очередной раз огляделся, словно спрашивая у людей с фотографий: «Почему я этого не сделал тогда? Ну, почему? Какие обстоятельства помешали? Какой злой рок?» Ему показалось, его «собеседники» пожимают плечами и разводят руками. Ну, что уж теперь поделать, мол.

Музыка звучала. Не очень качественно, но в этом и был тот самый кайф, составляющая волшебства. Так почти мистически звучит джаз и рок-н-ролл со старых виниловых пластинок, так звучат, вгоняя в транс, голоса бардов с бобинных магнитофонов. И эта кассета тоже рождала свой неповторимый звук. С магнитной ленты исходило раскодированное послание его разуму и транслировалось аудиоволнами через дрожащие мембраны динамиков.

Музыка... Как же описать её? Нет, было совершенно очевидно, что определить стиль, распознать состав используемых инструментов, идентифицировать самих исполнителей просто невозможно. Более того, если попытаться приравнять звучание к какому-то конкретному имени, какой-то конкретной группе, это будет, во-первых, явный обман: Игорь не слышал ранее ничего подобного, а во-вторых, попытками найти аналог можно уничтожить

уникальность этой музыки, её чары. Нет, называть и сравнивать было нельзя. Даже определить географическую привязку мелодии не представлялось возможным, из колонок доносились то тягучие элементы жаркого востока, то напор русского симфонического оркестра, то что-то готическое, родом из католических храмов Центральной Европы. Вдруг среди множества музыкальных инструментов брала соло испанская гитара, а флейта через миг уводила в фантазиях на альпийские пастбища, чтобы через какое-то время передать эстафету африканским барабанам, появившимся на заднем плане. В этой музыке словно отражался весь мир.

Кто же мог дать ему сию не поддающуюся описанию музыку? Кто предоставил ему шанс пройти посвящение в таинственный круг людей, знающих что-то такое, что неведомо остальным? Можно прикинуть несколько кандидатур, но... Только не сейчас! Сейчас – пить эту мелодию, тонуть в разбуженном океане любви и жизни. Наслаждаться!

Душа Игоря затрепетала, грудь наполнило ощущение счастья. Мысли споткнулись на очередном изумительном проигрыше и затаились. Остались чувства и эмоции.

Ветер ворвался в открытую балконную дверь, обнял его за плечи, пробежался по фотографиям, словно говоря, что фотографии... это тоже было не зря. Солнечный луч заскользил по комнате, утешая человека, чей путь к обретению смысла был долог и сложен. Небо в окне улыбнулось изогнутым облачком на пронзительной синеве.

Игорь почувствовал себя нырнувшим в нирвану, и из глаз его потекли слёзы радости и облегчения.

Он не помнил, сколько звучала кассета. Время потеряло смысл на этот период. Что-то случилось, по его представлению, и с пространством – Игорь чувствовал, что музыка... Она не просто звучит и затихает, она течёт словно река мимо него и исчезает где-то за окном, выплёскиваясь на стены соседних домов, скользя по проводам, растворяясь в прозрачном сентябрьском воздухе.

Когда последние заблудившиеся аккорды покинули его квартиру, Игорь скинул покрывало вместе с разбросанными фотками, забрался на кровать, свернулся калачиком и уснул на долгие двенадцать часов. Сон его был крепким, и во сне он... менялся.

12. Свои

Игорь уже и не помнил, когда просыпался так легко. Может быть, в юности. Может быть, в периоды сильной влюблённости, когда новый день означал встречу с Ней. В первый день отпуска или накануне праздников... возможно. Но никогда Игорь не просыпался с такой лёгкостью, бодростью и энтузиазмом в шесть утра.

Беспристрастно оглядев окружающий его бардак, он потратил пятнадцать минут на водные процедуры, затем вскипятил чайник и сделал гренки.

Солнце всходило над крышами домов его города, а он стоял на балконе, немного ёжась от свежей утренней прохлады, и пил ароматный кофе. Пил кофе и хрустел гренкой.

Он не мог понять, что именно, но что-то изменилось. В нём или, может, в окружающем мире. А может, и там и там. Утро казалось чистым и пронзительным, город – живым и ярким. Сентябрь улыбался ему. Игорю представился его лик – спокойный, проникновенный, всезнающий. В этом образе сплелось очень много маленьких картинок, штрихов, бликов, выплывших из неизвестных тайников сознания.

Сентябрь...

Его сентябрь выглядел как мужчина без возраста в потёртой джинсе, заношенных кроссовках и лёгкой стильной шляпе, сдвинутой на бок. Испанская бородка с пробивающейся сединой, морщинки у глаз, почти достающие до плеч волосы. Мистер Сентябрь подмигнул отражением солнца в стёклах соседнего дома, усмехнулся порывом ветра и ушёл лёгкой походкой в сторону вечного индейского лета.

Игорь рассмеялся и отсалютовал ему кружкой кофе.

Разгоралась заря, начинался новый день. День, не похожий на предыдущие, день, начинающий новую эпоху.

И ещё это был последний день бабьего лета.

Энергия переполняла Игоря, и он задорно взялся за уборку. Начал с разбросанных везде фотографий, которые аккуратно уложил в две коробки, потом прошёлся по квартире, собирая обнажившийся во время вчерашних поисков старый хлам, достойный отправиться на свалку. Придерживаясь девиза: «Этому не место в новой жизни», он приготовил к выбросу в прихожей три огромных мешка.

После этого пришёл черёд хлама, ещё способного пригодиться. С ним возни было больше, но и с этим занятием Игорь справлялся чуть ли не танцуя.

В какой-то момент он оказался рядом с магнитофоном. Игорь всмотрелся сквозь мутную крышку кассетоприёмника – почему-то подумалось, что кассета за ночь вполне могла исчезнуть. Но обошлось без волшбы. Колдовской артефакт был на месте. Рука сама потянулась нажать на перемотку и попробовать запустить мистическую мелодию ещё раз, но внутри кассетника раздался хлопок, запахло горелым. Игорь расхохотался в голос, выдернул вилку магнитофона из розетки, протёр его от пыли и поставил в нишу под сервантом. Как музейный экспонат. Как напоминание.

В следующую минуту первый раз зазвонил телефон.

На том конце провода был Сашка, друг, один из немногих, с кем в последнее время пересекался Игорь. Да, именно пересекался, трудно было назвать это по-другому. Мимолётные встречи, быстрое сетевое общение, в которые превратилась крепкая некогда дружба.

– Ну, что, кореш, с прошедшим тебя! Как, отошёл от празднований? Голова не болит?

– Да какие там празднования! Дома просидел весь отпуск. Никто и не вспомнил. И ты, кстати, тоже.

– Извини, очень сильно закрутился. Машину новую купил. Представляешь, внедорожник! В кредит. Не вечно же со старым хламом по мастерским скитаться... Но я искуплю...

– Покатаешь?

– Не вопрос! Приглашаю на пикник в лес. На следующие выходные.

– Лады.

Спустя час, прервав танго Игоря с пылесосом, с другого конца континента позвонил Славик Березнов, которого он не слышал года три. Он стыдился и извинялся, так как в июле приезжал в город отдохнуть с семьёй, но до Игоря так и не добрался.

– Ну, понимаешь, так получилось... Семья... Ну, ты ещё поймёшь...

Слова про семью немного кольнули Игоря, он поворчал для проформы, но не злился на товарища совершенно.

– Теперь всё будет иначе, веришь? В следующий раз обязательно встретимся.

Игорь почему-то... неизвестно почему... ему поверил.

– Ну, смотри, ловлю на слове... Да, ты пообещал... Ага... Ладно, не трать свои миллионы на международку... Ещё раз спасибо, Славик... Молодец, что позвонил... Пока, пока...

Уборка в квартире перемежалась звонками. Вначале Игорь удивлялся каждому из них, по-детски радовался и по несколько минут после прощания осмысливал диалоги, потом... начал задумываться...

Мастер-авторемонтник Пал Палыч, к которому Игорь частенько заглядывал со своей машиной, сообщил, что у них неожиданно образовалось окно в заказах, и если Игорь не передумал сделать обработку антикором, то случай самый что ни на есть удобный... Игорь сказал, что прикинет финансы и сообщит о своём решении завтра.

Пришло уведомление на мобильный. Приехал его ноутбук. Завтра можно забрать в магазине.

Двоюродная сестра Ленка, молоденькая стрекоза, оканчивающая в следующем году школу, своим звонком преподнесла весьма неожиданный сюрприз. Встречались они чрезвычайно редко, жили в разных, что называется, измерениях. И вот...

Игорь даже откровенно спросил:

– Что, мама просила позвонить?

– Фи! Что я, сама не могу кузена поздравить? Всё ж родная кровь, как-никак.

По идее, в этих словах должна была присутствовать издёвка, но Игорь её, на удивление, не почувствовал. Может, повзрослела чуток девчонка, подумал он.

Ленка пожелала не киснуть, не унывать, радоваться жизни и быть счастливым. Спросила, что думает братик о гуманитарном колледже и филиале столичного политеха. Всё правильно, одобрил Игорь, молодец – о том, куда идти после школы, лучше задуматься сейчас. Правда, про названные учебные заведения ему сказать было нечего, но они очень мило поболтали о выборе профессии вообще.

Возникла мысль, что теперь наверняка позвонит Настя, но бывшая не позвонила. Вместо неё совершенно неожиданно раздался звонок от старой знакомой по имени Ира. Акцент в выражении «старая знакомая», конечно, тактичнее было бы ставить именно на слове «знакомая», хотя по факту Ира была его ровесницей, они знали друг друга чуть ли не со школьной скамьи, и... ну, в общем, как и Насте, ей тоже подходило определение «бывшая». Игорь был приятно удивлён. Игорь был рад слышать Иришкин голос, её поздравления. Было тепло и хорошо на душе оттого, что человек, которого он когда-то любил, любил совсем недолго, но яркой и пылкой юношеской любовью, помнит эту дату. Взволновавшись, неожиданно он даже предложил ей встретиться, и неожиданно Ира согласилась. Правда, она оставила дату открытой. Ирина сказала, что ему сейчас, наверное, будет не до неё, но потом они обязательно встретятся и о многом поговорят.

После того как Игорь положил трубку, он отыскал среди сделанных вчера снимков хороший кадр с Ириной и четверть часа просидел в уже почти убранной комнате с глупой улыбкой на лице, держа карточку в руках... до следующего звонка.

Позвонил Мишка, с которым они вместе работали. Поздравил и деликатно поинтересовался, собирается ли Игорь замять свой день рождения или будет выставляться. Мишка был весел, рассказал пару забавных историй, случившихся на службе за время его отсутствия, обрадовал вестью о выписанной их отделу премии (после этой информации замять банкет по случаю дня рождения на работе было бы уже свинством) и заинтриговал тем, что через неделю у них появится новая молоденькая сотрудница.

Родители тоже позвонили. Их звонок был иным, нежели все остальные, и каким-то образом Игорь почувствовал это. Отец настороженно сообщил, что куча народа интересовалась его номером. Им с мамой это показалось странным: Игорь не живёт с ними уже много лет, а они звонят. Игорю тоже показалось это немного чудным, но совершенно не опасным. К тому же детальный расспрос превратил образную «кучу народа» в трёх реальных человек, и Игорь быстро догадался, кто это был.

В довершение всего, и уборки в том числе, Игорь двадцать минут протрепался с совершенно незнакомой девушкой, ошибившейся номером. На контрасте событий последних дней, это было вообще невероятно. Девушку звали Наташа, и она по удивительному стечению обстоятельств жила на соседней улице. Возможно, среди горящих вечером окон, на которые Игорь смотрел с балкона, было и её окно. Чтобы не спугнуть забытое ощущение романтики и аромат чар случайного знакомства, Игорь не стал допытываться, есть ли у неё парень и всё такое. Но он напомнил, что его номер остался в памяти её телефона. Они распрощались, не сдерживая смеха.

После этого Игорь вскользь подумал, прибыло ли теперь сообщений на сайте знакомств? «Ладно, уже на новом ноутбуке посмотрю».

На кухне, где осталось перемыть посуду и провести ревизию в холодильнике, Игорю попала на глаза бумажка со списком приглашённых. Он проглядел его задумчиво. Взял ручку, обвёл кружком Сашку, а потом... рядом выстроил новый список – со всеми, кто позвонил ему сегодня. Свои? Это – свои? Одной породы? Успевшие? Оттого, что все эти люди могут быть действительно причастны к какой-то тайне, закружилась голова. Игорь налил себе минеральной воды и залпом выпил. А кто мог подбросить кассету? Он поставил знак вопроса рядом с именем Славика: как-никак однокурсник, значит, единственный подходящий кандидат из списка. Хотя... теоретически это можно было сделать и потом, в любой момент, просто зайдя в гости... Ладно, топор уже не висит над темечком, а с остальным разберёмся.

После обеда немного уставший и заскучавший от наведения порядка Игорь отправился подышать воздухом, а заодно выбросить пакеты с мусором. Однако в его планы внес коррективы незнакомый парнишка, сидевший на скамейке у подъезда. В первый миг он принял его за вчерашнего соседа – тот же примерно возраст, комплекция, наушники, перекиннутые через шею. Вот только гипса на руке у него не было.

Игорь шагнул от двери подъезда, и паренёк поднялся ему навстречу.

– Игорь Валентинович, добрый день! – сказал он. – А я вас жду.

Если бы не события последних дней, вернее даже сегодняшнего утра, удивлению Астахова не было бы предела. Но сейчас он был готов ко всему, а не только к тому, что совершенно незнакомый пацанёнок назовёт его по имени-отчеству.

– Добрый, – отозвался он чуть напряжённо. – И по какому вы вопросу, молодой человек?

– Да тут такое дело. – Визитёр замялся. – Вы только не думайте, что это прикол какой-нибудь, ну... розыгрыш там... Мне вас Юрик из тридцать седьмой посоветовал, ваш сосед.

Услышав имя, которое никак не мог вспомнить вчера, Игорь малость расслабился.

– И что Юра?

– Заболел он внезапно, а мы сегодня розу планировали спасти. Вот он позвонил и сказал, что вы – хороший человек и можете помочь...

– За «хорошего человека» спасибо, конечно, но от чего нужно спасать розу и какую именно?

– Да вот эту. – Парень указал на росший за лавочкой куст. – Завтра тут будут трубы копать и её того...

Игорь только сейчас понял, что держит пакеты с мусором в руках. Он опустил их возле лавочки и внимательно посмотрел на розовый куст, на котором за ночь из бутонов открылись три алых цветка.

– А откуда информация про трубы?

Он ожидал какого-нибудь фантастического ответа, но услышал гениальные в своей простоте два слова:

– Юрик сказал.

– Угу, – кивнул Игорь, сдерживаясь, чтобы не улыбнуться. – Кстати, а как твоё имя, спаситель розового куста?

– Ой, извините. Меня зовут Саша.

Он по-взрослому протянул руку, и Игорь её автоматом пожал.

– В этой розе есть что-то особенное, Александр?

Почему-то Игорь подумал о детской романтике, о первой влюблённости. Предположил, что Саша или Юра задумал переместить цветущую розу под окно какой-нибудь принцессы класса, дамы сердца. Но ответ его поразил:

– А вдруг и вправду в цветке этой розы располагается целая вселенная?

– Чего? – Игорь в изумлении сдвинул брови.

– Мы с Юриком книжку читаем сейчас... «Тёмная башня»...

Игорь посмотрел на Сашку с удивлением и уважением.

– Недетская книга...

– А мы уже не дети, – парировал мальчишка с вызовом.

– Ну, ладно-ладно, – не стал спорить Астахов. – Вы хотели пересадить этот куст...

– Ага.

– Но у Юрика ведь рука в гипсе?

Сашка озорно фыркнул.

– Юрик – мозг операции, а я – руки.

– Что-то я не вижу в твоих руках лопаты.

Мальчишка расплылся в улыбке:

– Так вот за этим я и собирался... К вам...

– А-а... – Игорь кивнул. – Была у меня где-то лопата на балконе. Сейчас мусор выброшу и поищу...

– Мусор давайте я отнесу, – предложил новый знакомый. – А вы поищите...

– Хм, – пожал плечами Игорь. – Ну, давай.

Искать лопату, в общем-то, не пришлось – Игорь наткнулся на неё и вчера, и сегодня. Абсолютно неостребованный в отсутствие дачи садовый инструмент. Кажется, даже оставшийся от прежних жильцов, Игорь не помнил, как лопата появилась в его доме. Вначале он хотел просто вручить орудие труда Саше, но потом понял, даже, вернее, почувствовал, что это будет как-то неправильно. Ну, хотя бы потому, что после долгого перерыва это было его первое личное общение. Он кому-то понадобился, его попросили о помощи. Он перестал быть изгоем. Это дорогого стоило. Правда, как ни странно, Сашка не казался ему «из своих», но это сейчас не имело никакого значения.

Они выбрали место для пересадки розы, потом Игорь долго обкапывал куст, оставляя на корнях как можно больше земли, так как смутно помнил из какой-то телепередачи, что растения в период цветения пересаживать вообще не рекомендуется. Но им было очень надо. Поэтому они нашли кусок ветоши, на которую положили выкопанную розу и со всеми мерами предосторожности переселили её к детской площадке. Игорь искололся, так как садовых рукавиц у него не имелось. Затем была посадка на новом месте, этап интенсивного полива и, наконец, декоративное обкладывание розы камешками.

Когда всё было готово, Сашка позвонил другу и Юрик вышел на балкон помахать им загипсованной рукой. Этот момент «приёмки работы» длился совсем недолго – соседа Игоря увела с балкона мама. Было слышно, как она говорит что-то о недавно сбитой температуре.

В итоге Игорь Валентинович и Саша пожали друг другу руки и разошлись. Игорь вернулся в свою квартиру и, едва вымылся после земляных работ, понял, что дико голоден. Ситуацию спасли найденные в морозилке пельмени. В сочетании с кетчупом и маринованными грибочками они пошли великолепно. Затем, использовав последний заварочный пакетик, он выпил чаю и лишь после этого предпринял вторую попытку пройтись подышать воздухом.

Игорь пошёл в парк. И там, в парке, его неожиданно окликнул расположившийся с шахматами на лавочке Пётр Валерьяныч:

– Молодой человек, а не составите ли компанию старому учителю?

Игорь опешил, ведь ещё вчера бывший математик не признал его на улице, не ответил на приветствие, одним словом, не заметил. А сегодня... Возможно, у старика проблемы с памятью... или со зрением. А может...

– Я давно не играл в шахматы, Пётр Валерьяныч.

– Это ничего, Игорь. Я далеко не профессионал в этом деле.

– Вы помните меня? – Игорь искренне удивился.

Бывший учитель математики усмехнулся.

– Помню, да.

– Надо же! Я всё думал, скольких запоминают учителя...

– Многих запоминают, Игорёнычка, но ты не заморачивайся. У тебя есть о чём теперь подумать, не так ли? Твой ход.

Игорь и не заметил, что они уже начали игру. Эта встреча... Игорь чувствовал, что она не случайна. Пётр Валерьяныч наверняка должен был сообщить ему что-то важное. Но старый учитель не спешил. Несколько ходов состоялось в молчании. Потом он беспристрастно отметил:

– Тебе удалось.

Игорь вздрогнул.

– Что?

– Да вот здесь, удалось слона защитить.

– А, вот вы о чём...

– Другое тоже удалось. Я уже и не чаял...

Игорь вздрогнул второй раз. Посмотрел на учителя, но тот не поднимал взгляд от доски.

– Тяжело пришлось, да?

Ох уж это «да», неожиданно вспомнил Игорь. Они посмеивались над ним за это частое «да» в конце фраз. Сейчас Игорю стало за это стыдно. Но одновременно и позабавило. Математик

был хорошим дядькой в понимании школьников, но стадный инстинкт в детстве... такая штука... Ему трудно противостоять.

– Да, признаться, тяжело.

Пётр Валерьяныч кивнул, поджав губы, и сделал свой ход. Игорь ответил, хотя о шахматах не думалось совершенно, в голове вертелись жизненно важные вопросы. И он не выдержал:

– Скажите, наконец, что всё это значит?

– Что значит? Добро пожаловать в клуб избранных...

Игорь распаковал свежкупленную пачку чая, сыпанул ложечку с горкой прямо в кружку, залил кипятком и накрыл крышкой. Задумчиво посмотрел на идущий от кружки дымок, распространяющий над столом приятный аромат стонкой ноткой шиповника. Встреча с учителем состоялась около трёх часов назад, но Игорь помнил почти каждое слово. Он спросил, что за «избранные», и получил размытый «энциклопедический» ответ: те, чьё восприятие мира выходит за рамки признанного.

– Экстрасенсы? – спросил тогда Игорь.

Старый учитель цыкнул языком.

– Не люблю это слово...

Он снял очки, протёр их извлечённым из кармана носовым платком. Потом снова надел, переместил на две клетки ладью. И только после этого начал говорить. Он рассказал про то, что «экстрасенсорику» можно разделить на ясновидение и всё остальное. Причём всё остальное – это чистой воды миф. Телекинез, пирокинез, телепортация, ну и прямая телепатия на закуску. То есть, по сути, воздействие силой разума на материальный мир. Да, легенды ходят, но если такие суперлюди и существуют, это тайна за семью печатями. А вот ясновидение, которое можно понимать как работу с информацией на том или ином уровне, – реальность. Но настоящих ясновидящих крайне мало, зато те, кто чуть-чуть вышел за рамки и активно используют интуицию в своей жизни, – встречаются нередко.

– Я называю это «люди с искоркой», – сказал математик.

– Из искры разгорится пламя? – вырвалось у Игоря почти само по себе.

Ответ учителя был честным и жёстким:

– Возможно. В одном случае из десяти. Я бы не советовал тебе на этот случай рассчитывать, уж извини.

– Я понял. А то, что происходило со мной, – что это было?

– Это происходит со всеми «искорками», да. Этот процесс лучше всего объяснять через понятие энергоинформационного канала. Теория, конечно, не идеальная, но всё-таки... Канал этот связывает сознание с... ну, мы – атеисты, поэтому скажем «с космосом». Кто-то выберет вариант «Бог» или «Божественная сущность». На самом деле не столь важно. Важно, что у большинства людей этого канала нет, а у нас есть. С рождения, да. И всякие озарения, предчувствия, интуитивные оценки проявляются уже с детства. Сейчас появился термин «дети индиго». Это, в общем-то, близко, да. И вот растут такие детки, радуют родителей успехами, а может, беспокоят поведением. Иногда прячут свои способности, иногда наоборот. И вот вступают они в период полового созревания, и начинает зов плоти очень нехорошо на космическую пуповину влиять. По-разному это проявляется, бывает подросток идёт в разнос, иначе и не скажешь.

– И что тогда делают?

– Закрывают энергоинформационный канал, да. Временно.

– Кто?

– Кто-то со стороны. Кто-то посвящённый.

– А что потом?

Пётр Валерьяныч хмыкнул.

– Интересно, что ты спросил не «как», а «что потом»... Впрочем, не суть, да... Отвечаю. По завершении неких физиологических процессов в организме, человек сам себя «вскрывает». Иногда мы говорим «вылупляется из кокона». Обычно это происходит в сильных стрессовых ситуациях, на пике эмоционального всплеска. Бывает, что замок начинают ощущать как нерешённый ментальный ребус и пошагово идут к его решению.

– А я? – как-то уж совсем тоскливо спросил Игорь.

– А у тебя, Игорёня, жизнь, видимо, сложилась так, что плыл ты по течению и не цепляли тебя серьёзно никакие проблемы. И прожил ты несколько лишних лет «закрытый» и угасающий, постепенно теряющий интерес к жизни. И дошло у тебя до отмирания твоего «космического фитилька». А процесс этот, как ни странно, даже обычные люди чувствуют. А уж кто «с искоркой», так и вовсе отворачиваются.

– А помочь?

– Нельзя сделать за другого эту работу. Это во-первых. А во-вторых, у нас это... не принято, да.

– Вот как, значит...

– Но тебе помогли, я так понимаю. Расскажешь как?

Игорь поведал вначале о гипотезе с фотографиями, а потом о кассете, пролежавшей в старой папке неизвестное количество лет.

– Хм, занятно, да. Гуманный способ. И не без романтики. Говоришь, не знаешь, кто тебе её подбросил?

– Скорее всего, кто-то из сокурсников. Но, по идее, это мог быть кто угодно из заходивших в гости.

– Шерше ля фам...

– Что?

– Я думаю, это была девушка. Влюблённая в тебя. Да ещё и с хорошим даром, чтобы сделать эту запись. Обычно мужчины считают «закиснувших» слабаками и из принципа не протягивают руку.

– Я заметил. Вы, Пётр Валерьянович, исключением не стали.

– Знал бы ты, Астахов, как я на тебя обижен и местами зол...

Первый раз учитель назвал его по фамилии, и Игорь напрягся.

– В смысле?

– Это ведь я тебя «закрывал».

Воспоминания этой части беседы требовалось переварить. Игорь сделал первый глоток ещё горячего, но неожиданно очень вкусного чая, посмотрел за окно, где в сумерках трепал ветви поднявшийся ветер. Вспомнил, как был удивлён заявлением математика. Вспомнил очень быстро накатившее непонятное чувство стыда.

– Вы меня «закрыли»? Как?

– Вот и вернулись к вопросу «как», да... – Пётр Валерьяныч с каменным лицом кивнул. – Задачку помнишь на математику и логику, как рыцарь искал дворец своей дамы?

– Отлично помню. Седьмой класс. Городская олимпиада. Я потом ещё три дня над ней думал. Почти разобрался, догадался про ответ, но доказать не мог.

– И не смог бы. «Закрыл» я тебя тогда этой задачкой. В отместку ты плюнул на математику и на спорт переключился, да. Но после ты должен был к ней обязательно вернуться и найти решение. – Пётр Валерьяныч потряс указательным пальцем в воздухе над шахматной доской. – Понимаешь, дружок, мы несём ответственность за тех, в чью жизнь вмешиваемся таким образом. И я давал тебе шанс. Причём неоднократно. Вспомни хотя бы журнал, случайно оказавшийся в твоём почтовом ящике...

– Журнал? Детский журнал «Каравелла»? На летних каникулах... после второго курса, кажется? Так я подумал, что это соседей с верхнего этажа, там пацанёнок жил... Переложил им сразу...

Пётр Валерьяныч грустно покивал.

– Там было решение просто-таки открытым текстом.

– Мда. – Игорь непроизвольно втянул голову в плечи.

– Говоришь, фотографии делал? Не было ли среди них с вечера встреч выпускников... Ну, который совпал с юбилеем школы?

– Кажется, были...

– Вы в моём классе собирались и на фоне доски фотографировались. На доске при этом были условия той задачи, я их специально написал накануне.

– Не обратил внимания...

– Ну, а уж контрольный выстрел должен был состояться, когда твой сын пойдёт в первый класс.

– Но... Пётр Валерьяныч, у меня нет детей, – совсем тихо сказал Игорь.

– Вот-вот. А по моим прогнозам, ты должен был стать папой ещё в вузе: у тебя к женскому полу с юных лет повышенный интерес. Ну, и как мне не обижаться на человека, который подсазок не замечает, который всей своей жизнью высмеял мои способности к прогнозированию и предчувствиям.

Игорь молчал пристыженный.

– Извините. Мне жаль, что я не оправдал ваших надежд.

– Чего уж теперь. Я и сам хорош... Дал волю эмоциям. Но я рад, пусть не я, но нашлась добрая душа, которая не дала тебе скиснуть. Правда, и этот шанс ты мог упустить...

– Тридцать один – это рубеж?

– Нет, чётко прописанных сроков по сбросу блока не существует, но есть цикл Сатурна – двадцать девять лет. Открыться позже – очень большая редкость.

– А я могу как-нибудь выяснить, кто мне помог?

– Ты бы лучше о своём подопечном подумал, – неожиданно перебил его учитель.

– О ком? – опешил Игорь.

– Не хочу тебя озадачивать сверх меры, но ты не мог бы сам вскрыться так чисто. Ну, то есть после того, как канал открывается в позднем возрасте, обычно несколько дней человек болеет. У тебя же с самочувствием всё отлично, как я вижу. Так случается, когда замок перебрасывается другому человеку. Такое тоже возможно. Признавайся, живёт поблизости какое-нибудь юное дарование лет одиннадцати-двенадцати?

– Не знаю даже. Хотя... – Игорь вдруг подумал про Юру.

– Узнай. Мы в ответе за тех, кого приручили, – после этой фразы Маленького принца Пётр Валерьянович вдруг встрепенулся и засобирился: – Пойду я. В другой раз партию доиграем, да?

– Да, конечно.

Игорь поднялся. Математик тем временем одним движением смахнул фигуры с доски и принялся укладывать их в коробочку. Астахов ухмыльнулся:

– А как же... «доиграем»?

Учитель поднял на него глаза:

– А я всё запомнил, – сказал он и постучал указательным пальцем по виску. – Способности, да...

Игорь с наслаждением допил чай, поставил пустую чашку рядом с той самой фотографией с вечера встреч выпускников. Затем взял в руки коробочку с чаем. Незвестный бренд, дешёвый ценник, взятая наугад с полки в магазине пачка... И попадание в десятку по вкусу, аромату и удовольствию. Как там Валерьяныч говорил... «Способности, да».

Утро началось с дождя. Игорь вышел из подъезда, задержался на крыльце, с едва заметной улыбкой посмотрел на рабочих в промокших оранжевых жилетках, суетящихся возле экскаватора, потом перевёл взгляд на другую сторону, где ярко и пронзительно блестел умытый дождём розовый куст.

Он, конечно, ещё мало что понимал. Вопросов было огромное количество. И глобальных, и... попроще. Вот, например, жутко любопытно, кого пророчил Пётр Валерьяныч на роль матери его гипотетического сына? Или вот кузина Ленка. В свои сколько-то там... Шестнадцать... Семнадцать... Неужели уже раскрылась, разгадала свой ребус? Ай стрекоза! Какой же я по сравнению с ней... лузер!

А Юрик – он ведь предвидел этот ремонт теплотрассы, так? Это же практически ясновиденье. Но Игорь понял так, что основные способности проявляются после созревания? Или не только? И кстати, сами способности. Это отдельная тема. Это самая интересная тема. Какими они бывают? Как их находить и развивать?

Нет, в следующий раз Петру Валерьянычу придётся отвечать на все его вопросы. Игорь чуть загнулся в мыслях, вспомнив, что не договаривался о конкретном времени встречи с учителем и не спросил его телефон.

А что тут думать – старик гуляет в парке по вечерам, когда нет дождя. А дождь у нас, – он новым взглядом хитро глянул на небо, – кончится послезавтра.

Игорь улыбнулся, раскрыл зонт и пошёл на работу.

Эпилог

Одиннадцатилетний мальчишка сидел на подоконнике и смотрел в окно, за которым накрапывал первый по-настоящему осенний дождь.

– Юричек, как ты себя чувствуешь?

– Нормально, мам.

– Температуры нет?

Юрик отрицательно замотал головой.

– Насморк? Слабость? Тошнота? Голова не болит?

– Мам, я в порядке.

– Ну, и что это было? Ничего не понимаю. Не простуда, не отравление. Вирус какой-то, что ли? Завтра к врачу ходим, я записалась. Он тебя в школу выпишет. Если, конечно, температура к вечеру не поднимется. А пока дома...

– Да, мам.

Юрик подивился своему спокойствию. Ещё совсем недавно тарактенье матери вывело бы его из себя. Он вообще в последнее время много злился по пустякам, конфликтовал со всеми, это заметили даже в школе. А уж тема будущего (в конце года) переезда в другой город заставляла его кипеть от негодования. Переезд... Ради чего? Вернее, ради кого... Ради нового маминого друга, морского офицера Виктора. Новое место службы у него, видите ли. А с ним, Юркой, считаться, значит, не нужно? Нет, Виктор – очень даже ничего мужик, наверное он скоро женится на маме, но он не отец ему, вот так!

Ну не хотел Юрик переезжать. Терять друзей и знакомых, начинать всё с нуля на новом месте. Привыкать к новому дому, новой школе, новому городу... Ну как они не понимали?! Ведь здесь, в этой квартире, в этом дворе, на этой улице ему было хорошо. Не всегда, но часто. А там? Что будет там? Юрик боялся будущего, боялся неопределённости.

И нервничал, и злился из-за этого.

Так было до субботы. В субботу, то есть позавчера, кое-что случилось. Кое-что сильно повлиявшее на Юрика.

В субботу вечером он, выйдя на балкон, услышал музыку.

Музыка была необычная, волнующая, ни на что не похожая, можно даже сказать, волшебная. Юрик никогда не слышал ничего подобного. Музыка будто погрузила его в транс и успокоила, погладив по голове и укутав мягким одеялом. Прогнала нехорошие предчувствия, от которых парень уже начал уставать, не понимая, ложные они или правдивые, обернула защитным коконом склонную к самокопанию душу. Словно закрылось окно, из которого последние месяцы тянуло сквозняком. И Юрик расслабился. Ему отчего-то стало легче. Он посмотрел вдруг на мир иными глазами. Например, переезд. В нём есть и положительные стороны. Жить почти у моря. И... у них теперь будет настоящая семья. И главное... У Юрика возникла совершенно взрослая мысль – ведь на новом месте можно начать жизнь заново. Раньше это просто не приходило ему в голову. Сразу засуетились, забегали маленькие идеи, чем именно эта новая жизнь будет отличаться. Мечтать об этом оказалось очень приятно. Ну, там, занятия спортом, необходимо обязательно записаться в какую-нибудь секцию, потом углублённое изучение английского... Нужно будет читать больше книг, развивать память и вообще про всё это составить точный план... Кроме того, на новом месте с чистого листа можно будет строить отношения с людьми, не повторять некоторых ошибок...

Правда, хорошо и спокойно случилось не сразу. Юрик догадался, что именно от этой музыки он заболел и ночь с субботы на воскресенье провёл в лихорадке, испугав этим мать. Но потом...

Потом стало хорошо.

Юрик очнулся от мыслей. Размышления так сильно захватили его, что он не заметил, как мама вышла из комнаты. Парень посмотрел за окно. По дорожке в сторону остановки шёл под зонтом их сосед, помогавший Сашке пересаживать розу. Движенья его были свободны, размеренны и легки, мальчишка даже залюбовался его походкой. Он подумал, что хочет и сам так же легко, спокойно и бодро в свои невероятно далёкие тридцать или сколько-то там лет идти по жизни, вот только очевидно, что для этого нужно преодолеть немало преград.

Он попробует.

Он сможет.
В это хотелось верить.

2006–2008